

Харитон Мамдурин

1

**ЗЛОБНЫЙ
ЗАМОРЫШ**

Харитон Байконурович Мамбурин

Злобный заморыш.

Книга первая

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70372408
SelfPub; 2024*

Аннотация

Воскрешение в параллельном мире? Спасибо, очень приятно. Ну... я пошёл? Как это "нет"? За это нужно платить? Черт побери... Добро пожаловать в Должники к богу, бывший землянин. Суть сделки проста – убей несколько монстров, а потом иди на все четыре стороны. Ну, как несколько... Несколько десятков? Сотен? Тысяч? Где-то так. Новая жизнь, новые правила – кто сказал, что они должны соответствовать твоим ожиданиям? Шанс отказаться у тебя был. И да, кстати. Отлынивать не получится, кид. Бог... он теперь всегда с тобой. Со всеми вами.

Харитон Мамбурин

Злобный заморыш.

Книга первая

Пролог

В этом подземном храме, скрытом под толщей скальной подошвы, никогда не звучали молитвы несмотря на то, что бог, чьим присутствием было благословлено это темное и угрюмое место, не мог пожаловаться на недостаток верующих. Более того, будь у этих смертных хоть малейшая надежда, что он ответит на их воззвания, то собралась бы такая толпа, что не каждая птица смогла бы её за раз перелететь.

Да и места под скамьи, на которых могли бы сидеть прихожане, тут не наблюдалось. Зато были шумно вздыхающие турбины, закрытые медными кожухами в палец толщиной, были рубильники, были гудящие шкафы, что периодически трещали потрохами, дозируя необходимые для функционирующих в помещении механизмов вещества. Трубы, кабели, цепные подъемники, шестеренки и колбы, наполненные странными субстанциями – в этом храме не было ни одного пятачка свободного места под праздного бормотуна, что стал бы возносить свои тщетные мольбы.

Йозеф выдул густую струю трубочного дыма, усиливая скопившийся под потолком храма туман, а затем перелистнул страницу лежащего перед ним журнала, с энтузиазмом вертя свободной рукой самопишущее перо. Другая конечность Смотрителя, выполненная из хромированного металла, продолжала упираться локтем в стол, служа как держателем длинной, исходящей густыми ароматами трубки, так и дополнительной подпоркой, удерживающей гнома в расслабленном удобном положении. Для счастья Йозефу Граутштайну не хватало только бочонка ледяного пива или хотя бы пары бутылок грибного вина, но увы, даже если точно знать, что проверяющие патрули обделят храм своим вниманием, то уж сам Бог-Машина подобного не спустит. Познать на себе гнев бога Смотритель не желал, посему и ограничивал себя лишь кроссвордами да табаком.

Платят таким как Граутштайн немного, но седому ветерану трех войн, подрастерявшему конечности и органы на службе империи, лучше места себе не найти. Делать почти ничего не нужно, зато и траты на жизнь мизерные, знай лишь табак покупай с кроссвордами, да еду с собой приноси. Смазка и питание всем протезам в вотчине Бога-Машины не требуются, а на них такие как Йозеф, почти всю свою пенсию и заработок обычно и спускают. Что и говорить, удачно он пятнадцать лет назад рискнул, юзом разворачивая свою броне-

машину, чтобы прикрыть её стальным боком молодняк клана Хорус, попавший под кинжальный огонь салларийских пулеметчиков. От обвинения в сознательной порче техники хитрому гному удалось отбрехаться заклинившим рулём, а вот Фридрих кир Хорус услуги не забыл, подкинув спасителю своих засранцев теплое местечко под старость.

Эх, были же времена. Гном ухмыльнулся, вспоминая бледные рожи салаг, часть из которых точно испачкала себе штаны.

Привычно бросив косой взгляд на крупную выпуклую линзу телеприемника, старый гном убедился, что у храма для него пока поручений нет. Что же, значит можно и чаю заварить. С крошками ароматного гриба, с черным перцем, солью и долькой сливочного масла. К этой дряни Йозефа еще тридцать шесть лет назад один военнопленный приохотил. Азиат был всем азиатам, глаза узкие как щели, морда широкая, прямо лопата с глазами. Какой болтун был! Всё про своё Дао твердил, да что милость неба его не оставит. Вот про последнее очень зря, особенно при высокопоставленных офицерах. Гномы неба не любят, давит оно на них. Пристрелили болтуна тогда, буквально за день до перемирия. Ничем его небо от Бога-из-Машины и не отличается, разве что последний прямо говорит, что в живых мира Кендры он не верит.

Хриплая сирена, гулко взывшая под тесными сводами храма, заставила ветерана врасплох. Неловко дёрнув искусственной конечностью, гном облил себя жирным тягучим кипятком, от чего и заорал как резаный. Кинулся инвалид, правда, не к вязанке ветоши, лежащей в шкафчиках около древнего чайника, а к телефонному аппарату без наборного диска. Схватив трубку, шипящий и подвывающий старик дождался, пока установится связь, чтобы тут же заорать адресату:

– Храм Бога-Машины 3-го уровня Каллосского хребта! У нас Творение! Смотритель Йозеф Граутштайн! К подготовке приступил!

Всё, теперь можно бросать трубку назад и нестись к ветоши, оттирать соленую и жирную дрянь, которая, как казалось бедолаге, уже наполовину сварила левую сторону груди. Сама «подготовка»-то оторви и выбрось – подкатить тележку, да накрыть её простынкой, а вот чаёк дел натворил...

К моменту, когда под потолком вторично взывала сирена и начала мигать красная крутящаяся лампа, в храм Бога-Машины уже ворвались новые личности.

– Слава вечному царству! – патруль из четырех вооруженных короткими автоматами гномов поприветствовал Смотрителя.

рителя, скрещивая перед грудью предплечья и сжимая кулаки.

– Вечная слава! – проделал тот же стандартный салют Йозеф, запахивая свою гимнастёрку. Скрыв горящую огнем кожу, старик сварливо поинтересовался, – Перчатки не забыли, молодежь?

– Обижаешь, дядька Йозеф, – шмыгнул носом самый здоровый из бойцов высланного в храм патруля, достав из-за пояса пару длинных толстых перчаток, – Вот, как ты и советовал, с асбестовым покрытием. Ни одна зараза не вырвется!

– Сам ты зараза, – покачал головой старик, вновь доставая свою трубку, – Вы в первый раз же? Точно, полгода ж ничего не было. Так вот, сразу предупреждаю – кто бы не вылез, вы делаете только то, чему вас учили, понятно? Никого не бить!

– А если изалий... – робко начал спрашивать чернявый молодец с кипой непокорных волос, перехваченных ремешком.

– Никаких «если»! – гневно рявкнул старик, со звоном ударяя железной рукой по столу, – Даже если орочий багатур полезет с хреном по колено! Все строго по правилам!

Автоклав в центре храма загудел, начиная заполняться зеленоватой жидкостью. Удерживающие его под углом крепежи двинулись вперед, переводя гигантскую банку в строго вертикальное положение. Процесс Творения начался. Молодые вояки наблюдали за заполняющейся колбой с раззявленными ртами, заставляя ветерана досадливо кривиться. Зеленые как лопухи, учились спустя рукава, видно же. Вон, даже винтовки держат, как девка поросенка. Надо бы поостеречься.

– Объясню вам, дурням, еще разок, пока время есть, – пыхнул молочно-белым дымом старик, тут же ярьась, – А ну сюда слушать, камнегрызы бестолковые! Банка еще десять минут наполняться будет!

– Слышь, старый пень, – разомкнул губы ранее молчавший парень с ершистым взглядом записного хулигана, – Ты бы тон померил, а? А то в зубы дам.

...и тут же растерянно заморгал, глядя в два больших круглых дула. Старик, ловким змеиным движением выудивший из-за пояса обрез, ухмылялся как енокрот, уволокший вязанку колбас из-под носа нерасторопной купчихи.

– Если вы сейчас обосретесь, Бог нас проклянет, – слова инвалид едва ли не выделял интонацией, – У меня от его

проклятия откажут протезы. Рука, нога, почка, а еще слуховой. Но выбить паре из вас то, что заменяет мозги, я успею. А может и не буду. Гном, рядом с которым не работают механизмы, будущего не имеет, хоть это вы должны знать. Ну что?

– Всё-всё, мир, дед, мир! – выставил обе руки хулиган, – Мы слушаем! Ганс, скажи своему дяде!

– Молчим и слушаем! – отрывисто рявкнул бледнувший с лица молодой родственник Смотрителя.

– То, что оттуда вылезет, – махнул обрезом Йозеф в сторону почти заполнившегося бака, – К нашей истории отношения не имеет, понятно вам? Тирский эльф ли, орк, славноверный гоблин, северный мохноног, да хоть вассур четырехкопытный, без разницы, понятно? Это будет душа из чужого мира в теле, сделанном богом! Как бы оно не выглядело, наша задача аккуратно его взять, на каталочку положить, в распределитель отвезти, бумажки подписать и уйти, понятно вам?!

– А перчатки что тогда? – почти обиженно прогудел Ганс, разглядывая купленное на кровные деньги «оборудование».

– Они тебе еще как пригодятся, – прокряхтел инвалид,

крепко затянувшийся табаком, – Эти Сотворенные не всегда мирные. Брыкаются иногда без памяти, кусаются, волшбой от них пыхает, да и проблеваться могут вон той жижей. Но ты его бери нежно, обращайся аккуратно. Кто знает, может именно этот тебя и спасет, пока ты свою Марту в закоулке за сиськи дергать будешь...

В автоклаве тем временем уже постепенно формировался гуманоидный силуэт. Выглядел он с точки зрения гномов как еле заметная на фоне густой зеленой жижи тень, становящаяся всё плотнее и плотнее. Был бы среди них хоть сколько-нибудь понимающий в алхимии, биологии или химерологии индивид, то того бы поразило, с какой скоростью идут реакции Творения внутри оборудования храма. Там, где наука и техника достигали хоть каких-то результатов за месяцы кропотливого труда, божественная технология справлялась за считанные секунды, порождая совершенство. Не физическое, не психическое и даже не духовное – а биологическое совершенство клеток, органов и нейронов совершенно нового тела, часто обладающего весьма таинственными способностями.

– Стрейны, савэджи, хазарды, – тем временем громко перечислял старый гном, подошедший к резервуару вплотную, – Эти посланники бога убивают всю эту дрянь. Охотятся за ней, вынюхивают, отслеживают. Убивают. Чтобы вы,

молодые дурни, могли спокойно стрелять во врагов империи, не беспокоясь за оставленных дома жен и детей. Это благословение Бога-из-Машины, его дар нашему миру. Мы должны их принимать со всем гостеприимством, как бы они не выглядели, ясно вам, балбесы?

– Ясно, чего уж там, – ответил за всех племянник, – Дядь, ты нас извини, если что. Эти посланники по нашим коридорам не ходят.

– Это ты не ходишь по коридорам, где ходят они! – весело гыгыкнул дед, достающий из-за пояса потертые перчатки, – В империи у нас их маловато, что есть, то есть, но они либо в самом низу, либо на самом верху обретаются. Делать им возле вас, молодых дураков, нечего.

– Это почему же? – полюбопытствовал хулиганистый, тоже подходя вплотную к огромной зеленой банке.

– Потому что мы тут в безопасности живем, – пробормотал инвалид, тут же повелительно вскрикивая, – Все назад! Сейчас воды отойдут!

Сразу же после его слов зеленоватая капсула чуть приподнялась над своим основанием, позволяя наполняющей автоклав жидкости с шумом и бурлением вытекать сквозь

небольшую щель. Похожая на разбавленный зеленый кисель жижа с бульканьем исчезала в небольших, забранных решетками сливах, постепенно освобождая емкость с находящимся внутри телом. Спустя пару минут толстое стекло уехало еще выше, лишая опоры бессознательное тело нового Творения бога.

– Мда... – озадаченно промычал чешущий подбородок Смотритель, ради такого дела даже стащивший с руки перчатку, – Что это такое?

Представшее глазам гномов тело не напоминало ни одну из известных рас. Длиной с высокого представителя их расы, оно было необычно тощим – ребра, жилы и мышцы свободно проглядывали сквозь почти прозрачную кожу. Длинные белые волосы, облепившие череп и спину существа, вообще не вызывали каких-либо аналогий. В глаза ветерану бросились пальцы рук новосотворенного создания – тонкие и гибкие.

– На человека похож, смотрите уши какие, – умно покивал Ганс, носком сапога показывая на круглые уши создания, одинаково способные указать как на человеческую, так и на гномью расу, – Просто тощий человек. Наверное.

– Человек – это всегда хорошо, – приободрился Йозеф, – Найдем куда приткнуть, кем бы он ни был. Сыпаните на него

пылью фей, проверим, волшебник или нет?

Синеватая и чуть светящаяся пыль налипла на спину мокрого существа без всяких последствий, разве что вызывая улыбки облегчения на лицах гномов. Не волшебник – значит и не шарахнет ничем.

– Хорошо, – удовлетворенно пробурчал старик, вытягивая ручку технического душа и щедро поливая спину лежащего, – Так, закончил, переворачиваем.

Перевернутое создание вызвало еще больше вопросительных и завистливых хмыков. Оно определенно принадлежало к мужскому полу, причем принадлежало хорошо так, увесисто! В остальном... кроме чрезмерной худосочности и жилистости, ничего сказать не могло. Лицо? Да, хорошее лицо, нос прямо как у самых породистых князей, подбородок рубленый, как у потомственного комиссара, благородная и смазливая рожа, что уж там говорить. Да еще и с почти белыми волосами. Но раса-то, раса какая? Для каждого первого гнома этот вопрос первостепеннейшей значимости, а тут и ответа нет!

Точнее, есть, но расплывчатый.

– Это либо худой высокий гном, либо низкий и дохлый

человек, – наконец-то определился Граутштайн, удовлетворенно кивая сам себе, – Хорошее Творение. Берем его, ребята!

Водруженное на каталку тело задёргалось в конвульсиях. Опытный Смотритель, уже принявший с пару десятков творений бога, тут же велел схватить бессознательное существо за затылок, а сам живой рукой аккуратно открыл телу рот. Оно тут же изрыгнуло из себя едва ли не галлон зеленой жижи, облив одного из молодых, а потом расслабилось, вытягиваясь на каталке.

– Всё, ребята, всё! – заторопил инвалид продолжающих разглядывать пришельца парней, – Быстро его в распределительный, а потом назад по постам! Мне еще отмывать храм! Всё интересное закончилось! Бегом, молодые!

Сегодня, Йозеф Граутштайн, опытный и мудрый ветеран броневойск, не допустил ни единой ошибки, как Смотритель. Выполнил свой долг, наставил на путь разума молодых, принял новое Творение Бога-Машины. Но, сам того не ведая, он ошибся в одном из своих утверждений.

Всё интересное только планировало начаться.

Глава 1 С богом

Потолок – штука странная. Как только его увидел, то сразу, ментально понял, что случилось нечто экстраординарное, ошеломляющее и совершенно точно неожиданное. Скользя взглядом по бугристой ноздреватой побелке, я, вынырнувший из мягкого забытья, не сразу понял причины моей настороженности, но тут же пустился в анализ окружающей обстановки.

У меня ничего не болело, голова соображала ясно. Этого не могло быть, такая роскошь не для умирающего в больничной палате, если он достиг состояния, что даже укол морфия приносит лишь облегчение на час, которое измученное тело проводит в спасительном забытии. Первая странность. Второй же был сам потолок – для человека, с самого раннего детства носящего очки с диоптриями в минус семь, увидеть в столь мелких деталях потолок значило... невозможное. Даже будучи пьяным по молодости в крутую вертолетную дугу, я всегда бережно снимал очки перед сном. Но сейчас отчетливо вижу побелку, не замечая ни малейших признаков привычного тени оправы по краям зрения.

Удивительно, как небольшая странность со зрением отодвинула и смазала куда более сильные ощущения, что должны были запомниться от моих последних... месяцев.

Впрочем, долго разлеживаться я себе не дал. Вместе с ясностью мысли и непривычной остротой зрения, ко мне вернулась еще и жажда действия, сигнализирующая, что необходимо срочно изучить обстановку. Скверно побеленный потолок никоим образом не прояснял, куда я попал и в каком качестве. Пора принимать решительные меры, как и готовиться к их последствиям. Возможно, после того как я перевернусь, на меня навалится всё, чего опасаясь – болевое и наркотическое оцепенение умирающего, у которого начались галлюцинации. Только вот терять мне нечего.

...так я думал до момента, пока не повернул голову набок. Сразу после этого, сам не понял, как подскочил на одном месте, переходя из лежачего положения в позицию «на карачках», беспрестанно вертящим головой, с высыпавшим по спине ледяным потом. Клетки! Стены в крупных клетках с толстой тканевой основой! Это сумасшедший дом!

Стоп. Спокойно. *Вскочил?* Сам смог пошевелиться, да еще и так резко? Запретив себе дергаться и делать поспешные выводы, я вернулся к анализу обстановки.

Действительно, камера, иначе и не назвать, была с мягкими стенами. Проложенные по периметру потолка трубки, похожие на лампы дневного света, обеспечивали помещение хорошей степенью освещенности. Дверь... тоже обитая мяг-

ким, но не так интересна, как стена, в которой она присутствовала. На стене было множество крупных букв на незнакомом языке, которые я, почему-то, смог читать. Странные символы, выполненные в виде скупых комбинаций черточек и точек, прекрасно воспринимались моим сознанием.

Вы не заключенный. Не проявляйте агрессию. Следуйте инструкциям:

Осмотрите себя. Проанализируйте увиденное.

Извлеките из куба одежду и пищевой набор. Оденьтесь, утолите голод и жажду.

Когда будете готовы, нажмите кнопку с подписью «Вызов». Она находится у двери.

Ожидайте, за вами придут.

Не похоже это на шутку. Учитывая, что других вариантов у меня особо-то и нет, последую любезно предоставленным инструкциям. Сидеть на одном месте, офигевая от того, что понимаю совершенно точно чуждый мне текст, я посчитал недостаточно продуктивным. Чудес уже накопилось изрядное количество, но видения общей картины происходящего я по-прежнему был лишен.

Следующим из них стало ложе, на котором я провел всё это время – оно было здоровенным параллелепипедом без ост-

рых углов и твердых поверхностей, настолько большим, что на него бы в обнимку поместились два коня или отъевшийся верблюд. Кинув еще один взгляд на дверь, я убедился, что и она необычайно больших размеров. Она... или же я маленький?

Осмотр тела показал, что мне оно ранее не принадлежало точно. Жил я здоровяком, под метр восемьдесят ростом и честных своих 120 килограммов местами излишнего веса. Впрочем, меня не так поразили сухие и жилистые руки с длинными пальцами, выпирающие ребра или же впалый живот, как появившиеся волосы. Могучие и густые, цвета светлой соломы, они спускались буйной гривой едва ли не до задницы. Так, был высоким крепким шатеном, а стал тощей бло... Пospешная инвентаризация паха показала, что всё-таки принадлежу к мужскому полу. Хорошо так принадлежу, с таким мужским достоинством не стыдно и к баскетболистам мирового уровня в душевую зайти. Ну, поболтать там о своем, то да сё...

После минутки самоиронии, уделил пристальное внимание коже, особенно на сгибах локтей. Никаких дырок от укулов, никаких синяков, ни намек на опрелости. Остается лишь подбить итоги – я жив и здоров, пребываю в ясном уме и сознании, но... не в своем теле. Последнее меня не очень смутило, сложно соскучиться по пораженной ме-

тастазами плоти, отживавшей свои последние дни. Вопросы жизни и смерти меня пока не сильно беспокоили. Возбуждение неизвестности сменилось спокойным, слегка созерцательным любопытством.

Думается, что я далеко не первый в этой камере с мягкими стенами.

Куб, стоящий недалеко от двери, оказался таким же мягким, как и стены, но его верхняя часть спокойно снялась, демонстрируя содержимое – несколько ломтей плотного сероватого хлеба и две небольших фляжки с пробковыми затычками, лежащих на аккуратно сложенной одежде. Первым делом я прикрыл наготу – трусы и майка из мягкой ткани, штаны и рубашка из более жесткой. На ноги в пору пришлось мягкие тапки из очень плотной шерсти. Всё «обмундирование» было белого цвета, очень напоминая больничный наряд в какой-нибудь уважаемой клинике, где такие наряды есть наряду с мягкими стенами и сильными санитарями.

Несмотря на то, что есть и пить не хотелось совершенно, я впился зубами в хлеб, решив во всем следовать инструкции. Не пожалел – как только язык распробовал вкус еды, живот тут же скрутило голодным спазмом. В одной из фляг оказалась чистая вода, слегка отдающая металлическим привкусом, в другой булькала густая йогуртообразная

смесь с отчетливым привкусом молока и грибов. Употребив смесь с хлебом, я заполировал трапезу чистой водичкой, а затем смело нажал кнопку «вызов», обнаружившуюся рядом с дверным проемом. Торчать у двери показалось мне глупым решением, поэтому я вернулся к гигантскому ложу, присев на его край.

С внушительным лязгом дверь творилась, впуская внутрь двух слегка удивленных на лица субъектов в военной форме. Последнее понять было несложно – погоны, широкий ремень с кобурой и короткой деревянной дубинкой, фуражки. Чисто выбритые, короткие прически, надраенные до блеска высокие сапоги с очень толстой подошвой. Оба субъекта очень сильно напоминали невысоких людей, но некая диспропорция конечностей меня неприятно дернула. Что-то с ними было слегка не так, но определить это влёт я не мог – сказывалась легкая растерянность.

Не каждый день ты попадаешь в новое тело из затхлой палаты городской клинической больницы номер восемь города Воронежа.

– Мы проводим вас на собеседование, – хриплым юношеским баском проговорил один из вошедших, – Вы будете себя хорошо вести?

– Буду. Но у меня есть вопросы, – честно признался я сразу и во всем.

– На собеседовании вам всё объяснят, – заверил меня парень с смертельно серьезным видом.

Очень хотелось никуда не идти, а срочно сесть и тщательно обдумать внезапно нарисовавшийся вопрос – каким образом мы друг друга поняли? Я говорил на русском, а невысокий парень в военном использовал гортанную, очень богатую на звонкие согласные, речь. Тем не менее, смысл его слов, интонацию, даже мимику... проще говоря, я получил весь информационный пакет, который мне хотели передать. Собеседник тоже меня явно понял. Загадка. Хочу знать. Но... меня же вроде и хотят отвести туда, где все объяснят?

– Ведите, – встал с ложа я.

Вышли мы из камеры в просторный и хорошо освещенный коридор, по которому пришлось пройти буквально пять десятков шагов. Сама прогулка ничем не могла впечатлить, сплошное серое покрытие пола и стен, напоминающее бетон, да белые трубки освещения, разве что встреченная по дороге парочка дверей была куда меньше по габаритам, нежели размеры проема у моей камеры. Эти дверки как раз подошли бы моим конвоирам или мне, а вот та, возле которой мы

остановились, вновь была амбарных размеров. Загадочно.

За дверь оказалась пустая комната, ничем не отличающаяся по отделке от коридора, кроме пары деталей – посреди просторного помещения стоял квадратный деревянный стол, возле которого имелось два стула. Один из них был занят персоной, телосложением весьма напоминавшей доставивших меня сюда солдат. Персона выглядела как сухой поджарый джентльмен, чей возраст неторопливо и с достоинством приближался к полусотне лет. Короткий ежик наполовину седых волос, узкие очки без оправы, строгие черты лица с упрямо выдвинутым подбородком, опирающимся на сложенные на столе руки. Одет он был в черную военную форму, очень похожую на обмундирование парней с дубинками, но качеством определенно выше. Блекло-голубые глаза с бледного лица, явно давно не видевшего солнца, внимательно меня изучали.

Я молча встал, осматривая комнату. Несмотря на вопиющий аскетизм убранства, одна деталь привлекла внимание – у стены в ряд стояли стулья... Самых разных размеров. От небольшого, напоминающего барный с короткой спинкой до чудовища, которое подошло бы разве что человекоподобному слону, существу такой на самом деле. Полтора... нет, два десятка разнообразных сидений, плюс свободное, установленное за столом точно напротив сидящего.

Отвечающее моим размерам.

Чем дальше, тем страннее.

– Здесь не очень комфортно, – разомкнул губы сидящий за столом человек (?), – Если обещаете, что будете вести себя столь же разумно, как и с момента вашего пробуждения, то я приглашу вас в мой кабинет. Там гораздо уютнее, можете мне поверить.

– Не вижу ни одной причины менять своё поведение, – осторожно высказался я, не отводя глаз от мужика. Ответ ему определенно понравился, тонкие губы разошлись в короткой и острой ухмылке.

– Ловлю вас на слове, – он встал, делая жест в сторону неприметной двери в другом конце зала, – Пройдемте.

Кабинет был действительно куда лучше! В этой обители папок и книг, со стенами, обитыми деревянными резными панелями и теплым светом самой наиобычной люстры, я выдохнул так сильно, что казалось, поднял пыль со стеллажей. Всё-таки, когда весь известный тебе мир состоит из комнаты с мягкими стенами, бетонного коридора и допросной с кучей сидений, поневоле напрягаешься куда сильнее,

чем осознаешь. Этот мужик определенно был в курсе такого эффекта. Да и стулья тут были куда удобнее и мягче. А уж то, что хозяин этой берлоги бюрократии оставил конвой в первой комнате, так вообще мне очень понравилось.

– Итак, прежде чем мы начнем... – продолжил он, сев уже за свой забитый папками стол, – ...я считаю необходимым сделать несколько объявлений. Готовы ли вы их внимательно выслушать, не перебивая и не задавая вопросы?

– Готов, – тут же кивнул я. Вопросов в голове было миллион, от «где я?» до «для кого был тот сверхстул?», но что-то мне подсказывало, что все эти надписи на стенах, инструкции, продуманное поведение – всё это и предназначено, чтобы как можно легче наладить структурированный диалог между двумя неизвестными.

– Отлично, – вновь собрал руки под подбородком военный, – Итак, первое. Меня зовут Кристоф Хейзел, здесь и сейчас я представляю царство Кригстан. Мы ничем вам не обязаны и ничего не должны. Всю помощь, поддержку, информацию и советы вы получаете как знак доброй воли царства, а значит, не имеете ни малейшего права что-то требовать. Это понятно?

– Понятно, – приободрился я, получив очередное доказа-

тельство, что являюсь далеко не исключительным попаданцем... куда бы я не попал. Отработанная у них тут технология – в комнате идёт отсечка истерящих, конвой отсекает агрессивных, короткое собеседование определяет степень адекватности, а вот и новая стадия – мне ясно дали понять, что какие-либо требования будут восприняты... без понимания.

– Второе, – сухо кашлянув, продолжил Кристоф, – Даже если наш разговор пройдет либо внезапно окончится в самой ужасной манере, вас всё равно доставят на поверхность, предоставив одежду, еду и свободу. Предвосхищая напрашивающийся вопрос, уточню – поверхность обитаема, большая часть разумных, населяющих этот мир, именно там и живет. Но об этом позже, пока мне нужно, чтобы вы поняли, что здесь вам ничего не угрожает.

Вопросов становилось всё больше, но я благоразумно прикусил себе язык, лишь выжидательно рассматривая Хейзела, всем своим видом демонстрируя готовность слушать и вникать. Вновь мелькнула поощрительная улыбка.

– Вы умерли от старости или затяжной болезни, землянин? – спросил владелец кабинета, прищуривая глаза. Я почувствовал, как земля зашаталась под моим стулом, а ладони вспотели. Ведь не ослышался же? Он действительно это

сказал?!

– Вы далеко не первый и, надеюсь, не последний, кто оказывается в нашем мире после смерти на Земле, – продолжил военный, – Думаю, вы уже заметили, что приём «гостей» у нас отработан довольно хорошо. Информация специально подается дозированной, чтобы воскресенный принял новые для себя реалии спокойно и рассудительно. Увы, чаще всего подобные вам ведут себя... нерационально. Некоторые впадают в истерику и буйство, большая же часть начинает лихорадочно задавать вопросы, кричать, обвинять нас в похищении... иногда приходится тратить дни, чтобы подготовить такого как вы к рациональному разговору. Счастливым исключением являются умершие от старости или в итоге тяжелой болезни – эти люди обычно успевают как следует сжиться с мыслью, что их земной путь окончен. Оксюморон, конечно, но... я угадал?

– Да, – выдавил я пересохшими губами, – Болезнь.

– Замечательно, значит вы готовы к жизни новой. Готовы здесь и сейчас. Не собираетесь кидаться на окружающих, кричать, что вы под наркотиками, звать маму, президента или бога. Вот последнее делать вам точно не рекомендую, так как бог у вас теперь точно есть. Извините, тороплюсь, нарушаю регламент. Несмотря на то, что, как я уже и сказал, вы

далеко не первый, но событие отнюдь не рядовое и вовсе не частое. В среднем я провожу такую беседу раз в полгода-год.

– Мне бы что-нибудь попить, – каркнул я. Новости о том, что я воскрешен, были не особо свежими – легко было догадаться по-новому, хоть и костлявому телу. Но вот та легкость, с которой этот весьма серьезный на вид человек, явно не гнушающийся умственным трудом, заявил о том, что у меня теперь есть бог... она пугала. Это было сказано небрежно, мимоходом, с иронией. Как будто стиральную машинку подарили!

– Сейчас организую, – с готовностью кивнул офицер.

Пятиминутка на горячий напиток, вновь отдающий богатым грибным привкусом, оказалась достаточной, чтобы я вновь взял себя в руки. Разговор продолжился.

Бог-из-Машины, Неверящий Бог, Повелитель Механизмов... у этой сущности было много имен, но ни одного, на которое он бы откликнулся. Именно это таинственное божество выдёргивало души умерших с Земли и воскрешал их, создавая тела здесь, в Кендре. Разумеется, не просто так. За все полагается платить.

– Что вы видите?

– Колбу, – ответил я, разглядывая демонстрируемый контейнер, – Наверное, вы спрашиваете, вижу ли я красное сияние, исходящее от заключенной в нее жидкости. Так?

– Именно так, – удовлетворенно кивнул Хейзел, убирая резервуар, – Это зовётся ихор. Все носители этой мерзости будут также светиться для вашего взгляда. Их вам и нужно будет уничтожить, закрывая сделку с Богом-Машиной. Уничтожьте достаточно – и он покинет это тело, оставляя вас полновластным его хозяином, свободным от всех обязательств.

– Не думаю, что эти носители безобидные существа, – покачал головой я, – Да и мой опыт в уничтожении кого-либо просто отсутствует, если мы не имеем в виду мух. Не справлюсь.

– Печально это слышать, – развёл руками Кристоф, – Только выхода у вас, можно сказать, нет. Я не зря упомянул, что бог теперь всегда с вами. Тело, в котором вы находитесь, есть божественный гомункул, способный на невероятные вещи. Но также оно – надзиратель, судья и палач, который позаботится о том, чтобы вы выполнили свою часть сделки. До процедуры имянаречения вы можете... как бы помягче выразиться? Отказаться. В таком случае мы проследуем в храм,

где вас поместят в специальный резервуар. Сила Бога-из-Машины быстро и безболезненно растворит ваше тело, а душа вернется туда, где до этого пребывала. Все просто.

Такой вариант мне не понравился. Конечно, к самому этому богу-машине у меня был вопрос, зачем для истребления каких-то монстров понадобился я, никогда никого крупнее кролика не убивавший, но дилеммы перед собой не вижу. Есть новая жизнь, новое, совершенно здоровое тело, которое, если верить словам Кристофа, еще и обладает какими-то преимуществами. Расплатиться истреблением опасных существ за шанс начать новую жизнь? Это вполне соответствует моим убеждениям. Могло быть и хуже, например – молитвы. Что может со мной случиться в самом худшем случае? Смерть.

Это мы уже проходили.

– Смерть – это не выход, – постановил я, принимая решение и успокаиваясь, – Это вход.

– Прекрасная сентенция для Должника! – сухо хохотнул Кристоф Хейзел, тут же выдавая пояснение, – Таких как вы чаще всего зовут Должниками, подчеркивая, что вы не по своей воле встали на тропу истребителя монстров. Сами же себя вы называете Детьми или Кидами. Кстати, один из пер-

вых Должников и ввел в обиход многие термины, которыми сейчас пользуется большинство разумных рас Кендры. Вы называете такие слова «англицизмами».

– Как его звали?

– О... вот здесь он допустил ошибку, которую я настоятельно рекомендую вам не повторять. Он назвал себя Саваоф Ганджатрак. Его история...

Мне довольно доступно объяснили, что ошибкой будет как оставить себе своё старое имя из первой жизни, так и выбрать нелепое новое. Несмотря на всю пользу, приносимую Должниками, их много где не любили. Их, Бога-из-Машины, либо просто старые души из чужого мира. Умение слиться с толпой, по словам моего собеседника, сможет неоднократно спасти мою шкуру. Тревожный звонок, но я его воспринял как само собой разумеющееся. Услышанное уже туманило мозг, будоражило его неясными перспективами, толкало под руку поскорее все это закончить, чтобы увидеть совершенно другой мир.

Хорошо, что я помер довольно въедливым и занудным старым пердуном. Душить прекрасные порывы для меня было естественнее, чем дышать. Особенно, если они принадлежали не мне.

– Знаете, чего я не вижу, господин Кристоф? – осведомился я, поднимая взгляд на офицера, – Не вижу причин вашей заинтересованности во мне. Ни личной, ни царства Кригстан. Это настораживает, вызывает недоверие. Почему вы мне помогаете?

– Все Должники недоверчивы и циничны с первых же секунд своей новой жизни, – посетовал мой собеседник, извлекая пепельницу и сигареты из ящика стола. Я внимательно осмотрел курительные палочки – грубые, без всякого намека на фильтр, но очень плотной забивки. Прикурив и выдохнув в воздух облако необычайно плотного белого дыма, Хейзел приступил к объяснениям, – Во-первых, вы уничтожаете опасных для общества химер. Все живое, что носит в себе следы ихора, одержимо голодом, а мясо живых – лучший источник нужных им веществ. Прибавьте изменчивую природу этих тварей, тут же тратящих поглощенное на улучшение себя, и получите монстров, которые вечно хотят жрать. Несмотря на то, что усилия Должников лишь плод их сделки с Богом-Машиной – действуете вы в интересах живых.

– Этого недостаточно, – с извиняющейся улыбкой заметил я.

– Да, поэтому есть и во-вторых, – энергично кивнул пред-

ставитель Кригстана, – Как я уже говорил, если кид выплатил свой долг Богу-из-Машины, то получает свободу. Но не только её. Бог вместе со своими уходом разблокирует у тела возможность размножаться. Ни одна страна в мире не откажется от опытного охотника за тварями, обладающего генами божественной сборки, понимаете меня? Это аристократический титул, богатство, слава – даже если бывший Должник будет занят только писанием мемуаров и осеменением дамочек!

– Всего лишь из-за идеальных генов? – поднял брови я.

– Вы не представляете себе возможности вашего тела и ту наследственность, что у него может быть, – покачал головой мой собеседник, – Поверьте, большинство цивилизованных и разумных наций всячески привечает Должников. За тех из них, кто приблизился к выплате долга, иногда случаются и немаленькие военные конфликты!

– А...

– Думаю, на сегодня хватит. Вам нужно переварить информацию, продумать вопросы, мне – заняться основной работой. Давайте пройдем процедуру имянаречения, а заодно узнаем, наконец, вашу расу и направленность. От них будет зависеть то, что царство Кригстан захочет вам предложить.

Дело оказалось не быстрым. Предоставив мне возможность закопаться в несколько сборников имен и фамилий, сам Хейзел исчез из поля зрения почти на час. Вернулся он, с натугой толкая перед собой приземистый и тяжелый шкаф на колесиках, на крышке которого была пологая выемка, напоминающая утопленную в плоской поверхности миску. В эту выемку мне полагалось опустить правую руку, плотно прижаться ладонью к ее основанию, а затем произнести свое новое имя. Только его и ничего кроме.

Сунув руку в «миску», я внятно и отчетливо произнес:

– Магнус Криггс.

Всегда хотел звонкое и готичное имя. Грубое, резкое, злое на звук.

– Хорошее имя, господин Магнус, – тут же приободрил меня Кристоф, склоняясь над стенкой шкафа, – а вот над фамилией вы явно долго не думали. Ну что же, польщены всем царством, польщены... секундочку...

Над неуклюжим дребезжащим ящиком внезапно вспыхнула яркая и сочная... голограмма. Графики, столбцы, цифры – всё это зарябило у меня в глазах, пришлось сунуться

носом едва ли не в сам аппарат, чтобы хоть что-то понять. Не вышло.

– Не мешайте, Магнус, – процедил Кристоф, властно оттирая меня плечом, – Вы это сможете увидеть в любой момент безо всяких калкулюсов, а вот я только так, только так...

Наконец, через пару минут мой собеседник закончил разглядывать пиктограммы, чтобы обернуться ко мне с видом, выражающим разочарование и замешательство.

– У меня для вас есть хорошая и плохая новости, господин Магнус, – военный не глядя щелкнул незаметным переключателем сбоку у ящика, гася голограмму. Его лицо скучнело на глазах, принимая особенный, «казенный» вид, – Хорошая новость в том, что вы – гном...

– А плохая?

– Вы, к моему глубокому прискорбию... харизмат.

Глава 2 Познать себя

– Поезд «Цунгшоссе-Фалленторн» прибывает на пятый путь! Внимание!! Поезд «Цунгшоссе-Фалленторн» прибы-

вает на пятый путь! Время стоянки – 10 минут!

Платят крикуну, наверное, отменно. Столь мерзкий и срежущий голос должен быть редким талантом, иначе и не скажешь – взрезал он шум вокзала как раскаленный нож режет масло. Маэстро репродуктора, что и говорить. Интересно, с ним дома жена спорит вообще или молча соглашается вообще со всем?

Тихо злобствуя и глубоко напялив фуражку, я поволок свой чемодан к останавливающемуся поезду. Окружающая обстановка давила на мозг духотой, сонмом воплей провожающих и прибывающих, в глазах пестрило от костюмов и размеров. Вокзал Каллосского хребта оказался крупным товарно-пассажирским хабом, через который проходили магистрали аж четырех соседних стран. Толкучка, вопли, суета... всё это давило на мозг хуже, чем натянутая по самое «не могу» фуражка!

Сам поезд внешне ничем не отличался от... виденных мной когда-то старинных фотографий. Здоровенный тягач, весь исходящий паром, волок за собой вереницу непривычно высоких и массивных вагонов. Сквозь окна, отодвинув занавески, на нас пялились самые разнообразные физиономии, большая часть которых принадлежала к человеческим и гномьим расам. Одежда... сплошь шинели, сюртуки, паль-

то, платья в пол на особях женского пола, кружева и шляпы.

– Мест нет! – рявкнул на меня гном в железнодорожной ливрее, только что соскочивший с подножки своего вагона, но при виде раскрытой мной книжки-«вездехода», тут же сменил тон на лебезящий и подобострастный, – Не имеем местов, уважаемый! Только билетные и стоячие! Вам в зад идти надо!

– Что?! – пораженно рявкнул я, впервые повысив голос в этом мире, – Что ты сейчас сказал?!

– В зад... поезду нашего. Там купе особые... – промямлил гном, серея кожей, а потом заблажил дурным голосом, – Извиняюсь сильно! Духотой голову задурило! В вагоны для знатных вам можно, там свободные есть! Сейчас позову, проводят! Сей момент! Не гневайтесь!

Черт, действительно душно. Зарекался же говорить, нельзя пока. Неразборчиво буркнув подбежавшему пацану в заломленной набок кепке, я шлепнул его по руке, потянувшейся к чемодану. Понятливо кивнув, он припустил вперед, вопя во всю глотку «пропустить вельможу». Против последнего я не возражал, народ споро уходил с дороги, а большего и желать было нельзя.

Ровно до момента, как двое кинувшихся из расступающейся толпы гномов не попытались сорвать с меня большую плоскую сумку-почтальонку, что висела у меня на боку. Один из них вцепился в чемодан, дергая на себя, второй, резанув небольшим ножичком по плоской широкой лямке, попробовал проделать тоже самое с сумкой. Им не повезло – лямка была выполнена из прочной ткани, чем-то похожей на армированный брезент. Рванув чемодан назад, я добился краткого полёта первого ворюги почти под колеса поезда, а второй, продолжающий с оскаленными зубами цепляться за сумку, получил от меня жестокий удар носком в пах. Мужик взвыл, цепляясь за сокровенное и падая на землю.

Эх, хорошо бы мне это было б всё выполнить, продолжив удерживать фуражку на голове, но подлый головной убор слетел, сволочь такая, на перрон. Толпа ахнула, встречаясь со мной взглядом, некоторые тут же подались назад, вжимаясь в остальных.

Гадство. Не Штирлиц я.

Фуражку назад, да покрепче, поглубже, пацана взять за ухо и слегка выкрутить, дабы он перестал поражённо на меня пялиться, вернувшись к своим обязанностям. Вперед, времени мало!

ВИП-купе тут оказались шикарные, чем-то похожие на вытянутые комнаты – длинный диван вдоль столь же вытянутого окна, богатые занавески, стол на пару персон, отдельная туалетная комната, кнопка звонка для вызова проводника или стюарда, черт знает, как их тут зовут. Больше всего меня заинтересовало ростовое зеркало, намертво закрепленное у двери. Зачем рассматривать ковры и изящные бронзовые светильники, стилизованные под свечи, когда есть куда более интересный объект исследований?!

Почтальонка, грубый серый камзол, рубашка, штаны, носки, тяжелые ботинки, майка и трусы – всё это слетело с меня в мгновение ока. Спустя несколько секунд я стоял голым, жадно рассматривая себя в зеркало.

Костлявое жилистое тело бледнокожего доходяги. Пару-тройку сантиметров бы прибавить ногам, убавив у длины рук и было бы почти идеально, но и так неплохо. Непривычно, но раса обязывает, не человек я уже, хотя и вполне могу (а также планирую) в будущем им притворяться. Набрать бы еще килограммов десять-пятнадцать, желательно мышечной массы, получится отменный молодой человек. Лучше, конечно, десять – надо переходить на новые реалии, так как я уже не 120-килограммовый здоровяк выше 180 сантиметров, а вполне скромный хлюпик 160-ти.

Лицо... с таким лицом хорошо совершать подвиги, оно будет уместно на любом плакате, который может пропагандировать что угодно. Четкие, практически вырезанные черты лица, идеальной формы нос, тяжелый подбородок, губы... хрен знает какие губы. Не знаю я, как их назвать! Такие... идеальные. Высокий лоб, умеренные надбровные дуги, глубокие носогубные складки. Короткий злой ёжик белесых, как будто выгоревших волос. Не силен я в описании красоты, но с такой мордой только чистоту высшей расы продвигать, а то и мужское нижнее белье рекламировать. Либо делать и то и другое одновременно в изысканной бдсм-порнухе высочайшего класса.

Плохо только, что всё это богатство моментально уходит на задний план, стоит только увидеть мои глаза. Радужка насыщенного темно-синего цвета, пронизанная идущими от зрачка ярко-голубыми... наверное, их стоит назвать прожилками? Ломаные толстые линии такого контрастного оттенка превращали мои гляделки в нечто незабываемое. А еще они изменялись в размерах, стоило зрачку расшириться или сузиться. Впечатление было сногшибательно неземное, как будто у меня медленнодвигающиеся молнии в зрачках. В преступники с такими моргалами мне точно лучше не ходить, чего-чего, а цветных линз в этом мире нет. Я узнавал.

Сумка-почтальонка полетела в другой конец моего купе,

а я, уже не сдерживаясь, прорычал:

– Заррраза!!

Несколько факторов должны были совместиться, чтобы я сейчас сидел в этом купе – свободный, хоть и злой до усрачки. Иначе как чудом, это назвать было бы сложно.

Первым и основным фактором была моя тщательно взлеянная в прошлой жизни мизантропия. Метод общения? Угадай, что человек хочет, изобрази нужную маску. Ни в коем случае не умную, обязательно уязвимую, обязательно ищущую покровительства. Будь лоялен, будь в меру проницателен, будь отзывчив. Демонстрируй готовность к «сотрудничеству», пока твой собеседник не проявит свои истинные мотивы, либо не покажет их своим бездействием. Кристоф Хейзел съел мою маску готового подчиняться Должника. Слопал только так.

Не сразу, далеко не сразу. Четверо суток он меня медленно, но неуклонно подводил к мысли, что я должен не Богу-Машине, а всему этому миру в лице его замечательного царства Кригстан. От меня требовалось немного – не забывать их доброту и гостеприимство, а когда «столь понимающий и многообещающий Должник выплатит свой долг – он будет знать, что здесь его ждут с распростертыми объятия-

ми». До этого счастливого момента они были бы очень рады, если я буду прислушиваться к их советам.

Хейзел был ограничен, но выворачивал разговор так ловко, что я едва сумел догадаться, в чем именно. Оказалось – он не мог мне врать. С того момента, как это вышло на поверхность, его отношение ко мне быстро переменялось на жгучую, но бессильную ненависть. Я спрашивал, он отвечал. Уточнял..., и он снова отвечал. В рамках договора Кригстана с Богом-из-Машины. Такой договор, как оказалось, был у каждой страны, обладающей храмом, из которого выходили киды.

Киды. Дети. Не Должники. Наши дела с богом – только наше личное дело.

Вторым фактором было моё Направление Развития. Харизмат. Силачи, ловкачи, интеллектуалы – все они были кому-то нужны. Лидеры и дипломаты, вроде такого красивого меня, были бесполезны совершенно. Слишком слабые в боевых умениях, ни к кому не лояльные, привлекающие внимание, не имеющие возможности поддерживать темпы развития остальных. Я оказался «Неуловимым Джо», которого выкинули за порог, когда только кончился срок первоначального обучения.

И что-то подсказывало, что мне чертовски повезло.

Подобрав почтальонку, я начал доставать из нее свои записи, что сделал во время наших бесед с Хейзелом. Впереди была долгая неделя, наполненная стуком вагонных колёс, за которую я собирался отменно поработать, днём разбирая и систематизируя набранные данные, а по ночам – маясь в нервной полудрёме вместо сна. Именно так происходило обучение мозга новым языкам. Можно обойтись и без этого, но сообщать всем и каждому, что являюсь кидом? Нет.

Пора за работу.

Первым, за что я взялся, был мир. Не со слов изворотливого службиста, а со страниц учебников по истории.

Планета чуть больше Земли, совсем незначительно. Шесть континентов, если считать полюса. Мало народностей, много рас – большое генетическое разнообразие параллельной эволюции и прогресса. Причина такого явления? Боги. В этом мире они реальны, хоть и редко вмешиваются в дела смертных. Зато большинство войн было за веру. Остальное пока отодвигаем в сторону, оно не является важным. Разве что, кроме того континента, на котором нахожусь я. Его называют Лазантра, что в переводе с какого-то древнего языка означает «песочные часы», на них он и похож.

В середине перемычки – ура, замечательное царство Криг-стан и знаменитый Калосский хребет. Сейчас это миролюбивое и доброе государство ведет захватническую войну против нескольких стран третьего мира, находящихся в нижней половине «часов».

История. Вот тут всё было куда интереснее. До одного интересного момента, случившегося около 120 лет назад, история этого мира ничем принципиально не отличалась от земной. Технический прогресс в те времена замер где-то на отметке 1850-1900 года моего мира. Развитые расы грабили и покоряли менее развитых, начались первые индустриальные революции, гоблинов массово травили эльфийским гашишем, орочьи орды грабили прибрежные города, а некто Зауссман поднялся в воздух на первом в мире воздушном шаре.

Затем случился Интересный Момент, которые местные называли более чем уместно – Полётом Драконов.

Повсюду в небе, над всеми шестью континентами, открылись порталы, через которые в несчастное кендрийское небо устремились сотни гигантских крылатых ящеров. Поначалу небо не было очень-то и несчастным, летописи со слов очевидцев говорили, что зрелище было невероятно величественное и прекрасное. Но очень недолго, потому что

вслед за огромными, великолепными и прочая драконами сквозь порталы сунулась какая-то совсем уж злая, чудовищная и ужасная хрень, больше всего напоминая колоссальные щупальца, длиной по несколько километров. Эти самые тентакли стали хватать благородных, изящных и прочая ящериц, ломая их полностью, а временами и затаскивая назад в порталы.

Разгорелся эпический бой, в котором гигантские, могущественные и прочая драконы лихорадочно драпали от щупалец, иногда попрыгивая в тех огоньком, а агрессоры тщились добыть себе еще мяса летающих ящериц, напирая на порталы, чтобы протиснуться поглубже. Порталы трещали, драконы ревели, щупальца лезли... и это всё бы не кончилось добром, если бы местные боги не решили сказать своё веское слово.

Причину, по которой небожители вдарили только по неведомой дряни, пощадив изумительных, грациозных и прочая драконов, до сих пор не ясна, но итог был немного предсказуем – уцелевшие хтонические отростки втянулись в порталы, те закрылись, оставив Кендру праздновать победу. Как бы ура?

Нет, с этого момента всё и завертелось так, что Бог-из-Машины начал таскать в этот мир таких как я. Драконьи им-

мигранты принесли в этот мир магию, а в порванных, надку-
санных, побитых и оторванных щупальцах, упавших на зем-
лю, любопытные разумные обнаружили ихор. Ну как не по-
экспериментировать со столь интересными субстанциями?

Последствия иногда куда хуже самого события.

С тех пор в мире царит бардак и кутерьма. Технически
отсталые народы, внезапно получив опасные игрушки в виде
могущественных сил, начали высказывать своё веское «фи»
ранее спокойно их грабившим промышленникам. Непри-
знанные гении уходили в леса, тщась обуздать страшную си-
лу ихора, в результате плодя таких существ, что ум заходил
за разум. Маги-самоучки, экспериментируя с заклинаниями,
вовсю пытались переплюнуть доморощенных франкенштей-
нов, и иногда у них это получалось. Гномы, в большинстве
своём любящие Бога-Машину и ценящие системный подход,
создавали в подземных лабораториях таких химер, что убе-
гали с визгом ужаса и гении со своими созданиями, и маги
со своими демонами. Ну и сами гномы, естественно.

В общем, Кендре понадобились мусорщики. Киды.

Конечно, за сотню лет войн и катаклизмов, основной на-
кал страстей спал. Кому-то по голове настучали благодарные
смертные, кому-то боги, а к некоторым на огонек заглянули

и сами выжившие драконы, которые, оказалось, имели сильную аллергию на большие скопления ихора. Киды в этом тоже принимали самое непосредственное участие. Дохли, конечно, как мухи, но принимали. За их честь и отвагу, вышванную, разумеется, не только благими порывами, но и пинками недремлющего Бога-Машины, самые цивилизованные страны лет 15 назад приняли решение помочь их любимому божеству в воспитании новых агентов. Этакая Организация Объединенных Наций, названная на здешний лад Конклавом Кендры, всеми своими жабрами души радеющая за мир без ихора.

И вот я тут. В мире, где технология, магия, биоугроза, драконы, боги, политика и экономика сплелись в загадочную камасутру, где и не определишь, кто кого кусает, а кого имеет. Почему-то об этом собака Хейзел ничего не сказал до моего имянаречения!

Впрочем, злиться на разумного за то, что он действует в своих интересах – несусветная глупость. Нужно возблагодарить высшие силы за то, что не сижу сейчас с кляпом и в кандалах где-нибудь в застенках, а наоборот, свободным соколом еду в самый настоящий лагерь подготовки для новых кидов.

Откинувшись на кресле, я закурил скверную пахучую па-

пиросу, перхая с непривычки белым дымом. Что из плюсов моего положения? Я одет, обут, свободен, даже слегка вооружен. У меня есть ровно год до момента, когда боженька призовет на активную службу. Полгода меня будут бесплатно тренировать и обучать, затем свобода. Есть документы на имя Магнуса Криггса, молодого гнома 22-ух лет от роду. Есть дорожная книжка-«вездеход», которая должна меня бесплатно довести до самого лагеря Крозендрейк. Можно ли ожидать большего? Нет. Разве что леденец не дали и в попку на прощание не поцеловали. А кроме всего этого, я теперь не человек и не гном, а кид. Здесь есть свои... нюансы.

Докурив, я вдавил бычок в пепельницу, провернув его для надежности несколько раз, затем откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза и негромко произнес:

– Характеристика!

В темноте под закрытыми веками развернулась красочная разноцветная таблица:

Характеристика:

Имя – Магнус Криггс

Раса – гном

Прогресс – 0 %

Класс – Подхалим

Уровень – 1

Триады:

Триада Воина – 3

Триада Плути – 3

Триада Мага – 4

Триада Вождя – 12

Очки развития: 0

Таланты: Ясный взор

Особенности:

Способности:

Недостатки: Врожденная худоба

Хейзел ошибался, называя кидов божественными гомункулами. Эти тела были чем-то куда более совершенным – ходячими биолобораториями, способными совершенствоваться и изменяться как по воле Бога-из-Машины, так и по желанию самого киды. Разумеется, было множество ограничений и правил, но, к моему вящему счастью, столь похожий на компьютерные игры интерфейс оказался снабжен неплохой справкой!

Дни, полные изучения записей, сменялись ночами нервного сна, за время которого мозг обучался трем распространенным на континенте языкам. В качестве отдыха я выполнял физические упражнения, гонял прилипчивого стюарда, поставившего себе цель выманить у меня последние деньги, а заодно разбирался в характеристиках собственного тела. Последнее было самым приятным, пригодился опыт человека, не одну сотню часов прошедшего за компьютерными играми. Я отдавал себе отчет, что уровень моего понимания «Характеристики» куда ниже максимального, но составить первоначальное впечатление был способен.

Первой же тайной стала раса. Гномы, как оказалось, вовсе не низкие люди, а вполне себе подземные человеки, чьим местом происхождения является одна из гигантских внутренних полостей мира Кендры. Тут, оказывается, есть и такие. Мы обладаем зрением, легко приспосабливаемся к полумраку и темноте, чутким слухом, но ослабленной, по сравнению с другими расами, реакцией. Зато по выносливости впереди планеты всей, что я с успехом и доказывал десятками отжиманий за подход.

Прогрессом Бог-Машина именовал шкалу, заполняемую действиями киды на поприще убиения ихорных тварей. Как только она достигнет 100 процентов, я получу свободу. С классом и уровнем было интереснее – оба этих показателя

демонстрировали совсем не то, к чему мог соотнести их игрок. Класс демонстрировал наиболее часто используемый на данный момент модус операнди киды, образ его действий. Уровень – каких успехов на этом поприще кид достиг. Довольно важные показатели, так как за уровень класса и за определенные вехи в процентах шкалы прогресса Бог-из-Машины даровал своему агенту «очки развития», за которые можно было «открыть» особенности, способности и даже таланты, совершенствуясь в своем развитии. Меня озадачил лишь один момент – выбор будущих наград был привязан к текущему «классу», что делало совершенствование несколько хаотичным и неудобным. К примеру, я, как «подхалим», мог заработать эти очки, но вот потратить их скорее всего пока получилось бы лишь на приобретение качеств, способных усилить только подхалимаж. Либо – копить и ждать, прилагая усилия для смены класса. Неудобно.

Триады... были просты и сложны одновременно. Каждая из них состояла из трех моих характеристик. Воин – сила, выносливость, крепость. Плут – скорость, ловкость, реакция. Маг – воля, интеллект, память. Вождь – внешность, личность, дух. Характеристики, входящие в каждую отдельную Триаду, были связаны между собой сложным образом, прогрессируя все одновременно, но в разном темпе. Развивать Триады было нужно самым что ни на есть прозаичным способом – выполняя упражнения. Тут с пониманием у меня

возник затык, так как упражнения для личности, духа или внешности я придумать не мог. С другой стороны, справка меня сильно порадовала, уточнив, что пассивный регресс Триад замедлен на два порядка по сравнению с естественным регрессом характеристик разумного существа.

Последние четыре строчки оказались наиболее доступными для понимания. Таланты, особенности, способности, недостатки – первые отличались от вторых безусловно положительными качествами, вторые были и так и сяк, третьи, при их появлении, полагалось применять активно, ну а четвертые Бог-Машина явно создал для того, чтобы нам жизнь медом не казалась. Как результат, у меня была одна очень толстая и вкусная плюшка, дополненная досадным и не заслуженным минусом.

«Ясный взор» – *ваши глаза являются наиболее совершенным органом зрения среди всех живых существ. Они способны разглядеть мельчайшие детали как на расстоянии, так и вблизи.*

«Врожденная худоба» – *скромное телосложение накладывает штраф развития в 50 процентов на Триаду Вона, штраф развития в 10 процентов на Триаду Плутона.*

Почему-то я сразу подумал, что недостаток мне выписали

из-за чересчур мощного таланта. Мои глаза действительно оказались что-то с чем-то – первым же делом я прищурился, глядя в окно и желая приблизить картинку. Та рванула мне в лицо со скоростью еще одного поезда, позволяя мне тут же насладиться ощущением незабываемой сенсорной перегрузки. Лежа на полу и блюя утренним чаем, я матерился как сапожник, пытаюсь вновь вспомнить, на каком свете нахожусь.

Учиться придётся осторожно.

Худоба меня не порадовала, но заставила отнестись к себе философски. Короткая заметка в «справке» от моего небесного шестереночного сюзерена гласила, что приобретенного можно лишиться. В случае «худобы» это значило много и обильно питаться, занимаясь физическими упражнениями, что меня, конечно же, приободрило. А потом я представил себе свои красивые глазки в колбе на полке у какого-нибудь богатого коллекционера и нервно сглотнул, тут же дав себе зарок срочно с этим что-нибудь придумать.

В целом, неоднозначная у меня ситуация, многогранная такая. Но куда лучше, чем на больничной кровати в теле, пожираемом метастазами и бессильной ненавистью к тем, кто законодательно запретил эвтаназию...

Глава 3 Молодо-зелено

– Господа рекруты! Добро пожаловать в лагерь Крозендрейк! В течение полугода вы будете проходить физическую, психическую и боевую подготовку, необходимую для успешного выявления и противодействия ихорным тварям! Мы научим вас определять опасность! Её вид! Потенциальное количество! Вы научитесь стрелять, а также хранить и использовать имеющееся у вас огнестрельное и холодное оружие! Вы освоите азы подрывного дела и рецепты огнетворных смесей! Наши специалисты научат вас читать следы ихорников, вычислять их логова! А самое главное – то, что потом вы сможете передать эти знания другим нуждающимся! Вольно! По казармам! Должники – остаться!

Толпа в две сотни молодых деревенских парней, оживленно гудя между собой, припустила к вытянутым баракам казарм, а мрачный взгляд существа, задвинувшего предыдущую речь, медленно прошелся по нашему нестройному десятку. Толстые темно-зеленые губы скривились, как будто вместо нескольких вполне прилично выглядящих разумных младший воевода Хаёркрантц глядел на пожираемый опарышами труп лошади. Несколько неуклюже спрыгнув со своей импровизированной трибуны, оратор поковылял вдоль нашего строя, продолжая обливать нас молчаливым презрением. Пройдясь пару раз, он вновь раскрыл рот:

– Вон те парни, – толстый большой палец с ногтем, толщиной с треть обуха топора, ткнул за спину, – Пришли сюда, чтобы стать защитниками своих деревень и поселков. Стражниками. Им есть кого терять, кого любить. А что есть у вас, Должники?!

Семь суток на поезде, 12 часов в дилижансе, запряженном местным вариантом лошадей, полчаса на медленном как сама смерть фуникулёре и десятке километров, пройденных пешком. Всё это для того, чтобы одетая в оливковую форму горилла с головой гоблина упрекнула меня в том, что за душой ничего нет. Чудесно.

На остановках поезда, я не только умудрился потратить почти все подъемные, приобретя три пары гибких мотоциклетных очков с затемнением, но заодно и налюбовался на некоторые расы, населяющие этот мир. Хотя, если говорить конкретнее – на расы и их гибриды, которых было куда больше, чем диктовали известные мне правила фэнтезийных и героических книжек, которыми я зачитывался в молодости. Межвидовое скрещивание на Лазантре не было чем-то особенным, поэтому, разных челоорков, челогномов, оркогномов и прочих половинок можно было встретить в изобилии. Тут приходилось скорее гадать, какие именно крови смешались в идущем навстречу тебе гуманоиде вместо того, чтобы точно определить с первого взгляда, к какой расе он принад-

лежит.

Особенно много было полукровок-гоблинов. Щуплые и зеленокожие смески с выдающимися острыми носами сновали буквально везде. Женщины этого маленького народца обладали одной интересной особенностью – они могли забеременеть и выносить плод от представителя любой другой расы. Младший воевода Хаёркрантц был плодом любви гоблинши и орка, но явно очень хорошо кушал с молодости, не пренебрегая силовыми упражнениями. В результате получилась голокожая, слегка горбатая горилла с руками ниже колен, острым носищем длиной едва ли не в десять сантиметров, акульей пастью, полной заточенных зубов, и здоровенными ручищами, каждая из которых была больше меня всего.

– Полтора года назад у меня был зимний отпуск, – тем временем продолжал зеленый воевода, – Целых две недели в райском местечке под названием Жюррье. Пивоваренный рай нашей благословенной богами Лазантры, скажу я вам. Думаете, я туда попал? Нет, меня сняли прямо с рейса, дали отряд грязных, тупых, но тертых как камни мостовой наёмников, а потом в довесок выдали еще и пинка, отправив в совершенно другое место. В засратые заснеженные болота Гарнавальда! Знаете, что я там сделал? Выследил и убил одного киды. Своего ученика. Точно такого же, какими станете

вы. Знаете, почему?

Достаточно тупого среди нас не нашлось, чтобы спросить то, что явно планировали рассказать. Шеренга стояла молча, разумные не отводили взгляда от гоблорка. Я вообще сохранил покерфейс, всю пользуясь преимуществом затемненных стекол, еще и наполовину скрытых надвинутой фуражкой.

– Сейчас вы – божественным чудом попавшие в наш мир люди... – зеленый гориллоид достал из-за пояса нечто наподобие стеклянной колбы с металлическим основанием. Сделав глубокий вдох, Хаёркрантц выдохнул большое облако зеленого дыма, от которого вся шеренга тут же закашлялась и начала тереть глаза. Тем временем он продолжал, – Обычные люди, человеки. Пусть даже в вашем мире куча разных технологий, вы можете летать по всему миру и делать из дерьма дерьмо со вкусом мяса, но по сути своей большинство из вас – самые что ни на есть сопливые гражданские, в жизни никого не ударившие!

– Мы сюда не напрашивались! – шагнула вперед хрупкая девушка с синими прядями в волосах, среди которых мелькнуло острое ухо, – Нас просто поставили перед фактом!

– Заткнись, мокрощелка ушастая, – клыкасто оскалился

полугоблин, подходя к девушке вплотную, – У вас был шанс нырнуть назад в бачок. У всех был. Вы его просрали, а значит теперь будете стоять и слушать меня. Впрочем, выход из Крозендрейка свободный, можете его покинуть, когда вам будет удобно, хоть сейчас!

Эльфийка-кид, спрятавшаяся за спину своего соседа, мощного парня с самым простецким выражением лица и пудовыми кулаками, мелко затрясла головой, растеряв всю свою храбрость.

– Итак! – гаркнул воевода, – Кто вы?! Я вам скажу, кто вы такие! Вы – будущие бродяги, наёмники, шпионы, убийцы, грабители и подлецы! Здесь, в Крозендрейке, мы дадим вам лишь базу знаний, мы поможем поднять ваши Триады, мы научим вас бить и держать удар, но именно за его воротами вы поймете две вещи! Первая – каждый Должник является одиночкой! Я не зря упрекал вас в отсутствии чего-либо за душой! Вы будете бегать по миру от одного одинокого ихорника, которого можно убить без особых проблем, до другого, подгоняемые плетью Деуса! Вы будете дрожать за свою жизнь, так как кроме нее вам больше нечего терять! Вы будете изворачиваться, лгать, обманывать и выживать в попытках выплатить свой Долг! Того киды, своего ученика, я выследил и убил как собаку, прострелив ему череп и утопив в болоте. Знаете, за что? Он зарабатывал контрабандой нар-

коты! Сильной и страшной дряни, от которой народ гниет идохнет пачками!

– А почему он этим зарабатывал? – тут уж не выдержал я. Зеленый воевода был страшным как моя первая жизнь, давил как реклама кока-колы под Новый Год, но мне показалось, что он хочет нас не унижить, а предостеречь.

Огромная зеленая голова с челюстью, похожей на крышку сундука, через мгновение оказалась напротив моего лица. Я почувствовал странный запах, исходящий от мужика. Если отпустить на волю воображение, то так мог бы пахнуть тщательно вымытый и раздраженный болотный бегемот, злоупотребляющий табаком и выпивкой. Не то чтобы я нюхал бегемотов...

– Потому что всем на вас насрать, маленький кид, – неприятно осклабился гоблорк, – Ты будешь бегать по Кендре в поисках ихорников сам по себе. Никто не будет тебе платить за убийства. Все, до последнего гоблина, знают, что Деус заставляет вас охотиться. Наоборот, некоторые ублюдки попытаются стясти гроши с вас за информацию о том, где видели одинокую тварь. И вы, Забар побери, будете платить. А чем может зарабатывать бродяга, как не теми достойными профессиями, что я перечислил? И когда кто-нибудь из вас совсем уж перейдет черту, то на горизонте появ-

люсь я или кто-то подобный, чтобы прострелить вам голову!

– А что второе? – мирно и грустно прогудел парняга, за которым продолжала прятаться пестроволосая эльфийка, – Еще что-нибудь плохое, да?

– Второе? – Хаёркрантц выдал просто королеву всех паскудных ухмылок, – Бога-из-Машины не везде любят или боются. Особенно в дикарских странах, где сильна власть колдунов, магов и прочей мерзопакости. Чудовища, демоны, мертвецы, приятное местное население. Угадайте, где сейчас есть свободные вотчины, на которых без особых проблем можно найти ихорника? Так вот, слушайте сюда...

Воевода резко и ёмко объяснил нам наше место – в самом низу пищевой цепочки убийц чудовищ. Бывалые киды имели свою территорию или же маршруты, по которым предпочитали странствовать. Большая их часть состояла в гильдиях, распределяющих эти самые территории, принимающих и выдающих задания, определяющих порядок работы. Новички для гильдий, «крышующих» наиболее безопасные места и страны, интереса не представляли. Складывалось впечатление, что носители ихора прямо какие-то внесенные в красную книгу звери, но это было не так. Туда, где они водились в изобилии, Должники не совались. Слишком опасно. Не удивительно, что гоблорк презирает кидов.

– Знаете что? А пошло оно всё! – с этими словами резко развернувшийся верзила оттолкнул эльфийку, решительно потащив к воротам лагеря свой чемодан. Хаёркрантц с ожидающей усмешкой рассматривал остальных, скрестив свои бревноподобные руки на груди. К моему, да заодно и к его удивлению, подымавшаяся с земли пестроволосая остроухая кроха лишь отряхнула задницу от пыли, а затем вновь встала в строй, уставившись на гоблорка.

– Всего один? – покрутил шейей воевода, – Надо же, обычно стадом идут, по двое-трое... Ваша казарма вон та, мелкая, рядом с баней. Сегодня отдыхаете и знакомитесь с упряжью, побудка в шесть утра. Празойтись!

– А третье?! – внезапно раздался голос всё той же эльфийки, – Что, третьего нет?

– Ахахаха! – зашелся в рокочущем смехе Хаёркрантц, – Го-лу-буш-ка! Я вам показал лишь верхний краешек того дерьмового айсберга, на который вы подписались! У вас, ха-ха-ха... впереди будет много чудесных открытий! За новую жизнь платить нужно будет по полной стоимости! Но так и быть, третье я сообщу всем, кто закончит мой лагерь! В казарму! Живо!

Лагерь... был четверкой стоящих в одном из концов горной долины барачков. Склад, пара казарм, амбар. Большую часть долины занимала заболоченная речушка, на которой стояла деревенька местных жителей, часть из которых работала в Крозендрейке обслугой. Гоблины, чистокровные зеленые мелкие гоблины, десятки их!

Чувствую, будет весело...

Виденные мной расы не сильно отличались друг от друга. Возьмите человека весом в 70 килограммов, уменьшите в габаритах до 50 – опа, гном. Чуть длиннее руки, чуть резче черты лица, чуть крупнее среднестатистический нос. Всё! Эльфы? Худощавые прибалты с острыми кончиками ушей, преимущественно светлыми волосами различных оттенков и всегда яркими цветами радужки глаз. Орки? Твой обычный сосед, любящий ходить в качалку, разве что зазеленевший кожей и лишившейся намека на волосы везде, кроме как на голове. Мелочи, теряющиеся среди всех челоэльфов, гноморков, гоблюдов... и всех прочих комбинацией полукровок. Квартеронов и прочих так вообще называли просто людьми, чтобы не путаться.

Гоблины... отстояли от этого праздника жизни слегка отдельно. У них был свой, весьма специфичный, яркий, со своими нюансами и гоблиншами.

Чистокровный представитель гоблинского племени мужского рода был худощавым и чуть сторбленным гуманоидом со средним ростом с 130-140 сантиметров и весом килограммов в 30. Крупный зубастый череп, увенчанный здоровенным острым носом, маленькие хитрые глазки, толстогубый и очень широкий рот. Короткие ноги, длинные жилистые руки.

Женщины у гоблинов отличались от мужчин едва ли не сильнее, чем последние отличались от орков. Фигуристые, крепкие, юркие как ртуть, они сновали везде, скаля белые зубы по малейшему поводу. Наличие задорно задранного кончиком кверху носика-кнопки и куда большие, нежели чем у мужиков, глаза делали гоблинш вполне привлекательными на вид. Характер у большинства из них, как я вскоре получил великое множество возможностей убедиться, был чем-то средним между ирландским цыганом и одесским евреем, но с жесткой привязкой на родоплеменные отношения.

Несмотря на то, что одеты зеленокожие были в простые и грубые вещи из некрашеной домотканой материи, назвать персонал Крозендрейка дикарями язык у меня бы не повернулся. Дело было не в том, что каждый из встреченных нами по дороге в казарму гоблинов или гоблинш носил удивительной красоты и выдумки шляпу, даже не в их прихотли-

во и мастерски выполненных из кожи и кости браслетах, что одевались на ноги и на руки.

Лица. Хитрые, веселые и продувные рожи гоблинов носили печать житейской сметки и тщательно сдерживаемого желания что-нибудь стырить. Поняв это, я нервно сглотнул, так как всё мое богатство, заключающееся в чемодане с одеждой, внезапно оказалось в зоне риска. По габаритам я лишь слегка был крупнее зеленых, не считая Хаёркрантца.

– Мы будем тут жить?! – тихо воскликнула эльфийка с синими прядями, озирая внутренности барака, – Это же дикарство!

– Нет, дорогуша, – раздавшийся сзади эльфийки голос неслышно подкравшегося воеводы заставил бедную киду издать пронзительный панический визг, – Здесь вы будете спать. Лечиться. Приходить в сознание. Жить вы у меня не будете. А теперь двигай свои мощи внутрь!

Казарма, сложенная из мощных бревен, оказалась разделена на небольшие комнаты, в одной из которых и жил грозный воевода. Остальные предназначались кидам – одинаковые, снабженные лишь хилым внутренним засовом и зарешеченным окном. Кровать из грубо сколоченных досок, на которые были наброшены пара охапок соломы, да простой

высокий шкаф, к моему удивлению оказавшийся занятым одеждой и странной конструкцией, напоминающий увешанный пружинами костюм. Первым делом нам приказали переодеться в простые полотняные тряпки, ничем не отличающиеся от одежды бегавших по лагерю гоблинов, вторым взяли на хранение абсолютно всё, что у нас с собой было, а третьим – стали знакомить с пружинной броней.

– Это называется «упряжь», – лапища гоблорка любовно прошлась по пружинам и рессорам странного костюма, – Вы её будете носить каждый день. Перед тем, как я услышу ваш жалобный вой после первой примерки, знайте – это единственный способ поднять ваши Триады на хоть какие-то вменяемые величины... быстро. Тот придурок, что покинул лагерь? Возможно, он выживет. Но без потогонки в «упряжи», его шансы вести жизнь куда долго – носят отрицательные значения. Запомните это.

Одеть «упряжь» самому было невозможно. Каждое утро и каждый вечер в комнаты к нам будут приходить гоблины, что будут помогать снимать и одевать костюмы. А заодно и кормить нас.

– Сами вы первое время жрать не сможете, так что не обижайте наших зеленых малышей, – с усмешкой произнес воевода, но затем сразу же посерьезнел, да так, что косяк двери,

за который он держался одной рукой, жалобно треснул, – За драки между собой или с ополченцами – вылетите. Обидите моих соплеменников – я займусь вами сам, а потом выкину за ворота то, что останется. Всё понятно?

– Понятно. Можно вопрос? – поднял руку я, привлекая к себе взгляды всех в комнате. После поощрительного кивка младшего воеводы, продолжил, – У нас есть шансы стать кем-то другим в этом мире? Не крысами, не наемниками и не ворами?

– У всех есть шансы, задохлик, – продемонстрировал внушительные ряды зубов Хаёркрантц, – Только для этого вы должны как можно быстрее, буквально сегодня, собрать свои яйца в кулак и вспомнить, что ваши предки обладали такими качествами, как честь, отвага и мужество. Сейчас вы себя считаетесь охрентельно хитрожопыми и продвинутыми обитателями другого мира, мечтаете о новой жизни, возвращаете планы обогащения, мечтаете, как возвыситесь над нами, дикарями. Напомню – вас призывают в этот мир сотню лет как уж, а о богатых кидях еще никто не слышал. Зато легенды о Мэйнор Стинге, Кальваросе и Фьорне Семибородом, тех, кто сумел выплатить Деусу долг, известны даже в самых дальних рыбацких деревушках Лазантры. Делайте выводы, киды. Всё, остаток дня – ваш. Подъем в шесть утра.

Здоровенная сутулая спина гоблорка скрылась за дверных проходом, оставляя нас девятерых в тесном общем зале казармы. Эльфийка, четыре человека, три гнома, скальный орк и непонятный на внешность я с таинственными очками на пол-лица. Киды. Должники. Попаданцы. Люди, заключившие сделку с богом.

– Ну что же... – откашлялся один из людей, – Давайте знакомиться?

– Я пас, – вырвалось у меня. Рука в кармане огладила початую пачку паршивых сигарет, что воевода разрешил оставить, – Пойду прогуляюсь.

– **Что?**

Кажется, вопрос вырвался хором у всех. Я поморщился. Объяснять, что всё сказанное нашим зеленым гостеприимным хозяином значило, что с завтрашнего дня начнутся однообразные и мучительные тренировки, не хотелось.

– Считайте меня мизантропом! – сделал я ручкой ошеломленному обществу, выскакивая за дверь.

Не так уж и покривил душой, хотя резонами руководствовался совершенно иными – я верил Хаёркрантцу. Здоровен-

ный гоблорк был настолько далёк от образа манипулятора, насколько я мог только себе представить. Его слова, жесты, даже презрение – всё это было для мужика привычным явлением. Он говорил, что киды почти всегда превращаются в скользких эгоистов и воров? Я верил, так как знал, из какого времени их дергает Бог-из-Машины. Он сказал, что мы считаем себя умнее всех? Так и есть, я действительно всё свободное время, пока сюда ехал, потратил, воображая, что могу предложить этому миру из знаний своего. Так, чтобы ничего не делать, но купаться в богатстве и славе. Если мы все настолько одинаковы, то значит, остаться в кругу своих, чтобы горячечным шепотом обсуждать все случившееся, делиться своими историями и, конечно же, своим сверхважным мнением – это типично?

Нет уж.

Гоблины запалили большой костёр, окруженный несколькими рядами камней. Из него, по мере прогорания дров, зеленокожие таскали угли на целую вереницу здоровенных мангалов, на которых запекалась масса разной живности в различной комплектации. На шпажках, заботливо проворачиваемых зелеными ручками, раскорячились жабы и черепахи, а еще зверьки, напоминающие крупных белок. Рядом полыхало несколько костров в ямах, над которыми булькали здоровенные казаны. Вокруг основного костра сидела пара

десятков отдыхающих зеленых аборигенов.

Недолго думая, я уселся к ним, выудил веточку подлиннее и стал охотиться за небольшим угольком, планируя использовать его для прикуривания сигареты. Разговоры возле костра смолкли аж на целую минуту.

– Эй, Должник! – с насупленным видом поднялся с корточек один из гоблинов, его глазки злобно поблескивали из-под шикарной шляпы, украшенной яркими перьями и бисерной вышивкой.

– Прости, боженька, – тут же покаялся я, – Не узнал тебя в этой прекрасной шляпе.

Вновь тишина. Затем смешок. Затем еще один.

– Что? – отмер вставший.

– Ну или ты Бог-Машина, или я тебе ничего не должен, – развил свою мысль я, выпуская непривычно белый дым.

Немудреная шутка сработала, раздалось еще несколько смешков, даже сам парень улыбнулся, продемонстрировав удивительно белые и крупные зубы. Но затем тут же подковырнул:

– Что, кид, свои выгнали? Слишком чахлый?

– Нет, сам ушел.

– Чего так?

– А что они знают?

Вновь ответ понравился собравшимся. Непривычные носатые лица чуток разгладились, пара-тройка из гоблинов вернулась к своему разговору. Я курил, щурясь на костёр сквозь свои очки-консервы. Пытавшийся наехать на меня зеленокожий сел назад и снял с себя шляпу, принявшись её любовно разглаживать. Похоже, я ему мимоходом польстил.

– Получен уровень класса. Текущий уровень – 2

Точно польстил. Я ж «подхалим».

– Ну что сидишь, молчишь, – подал голос мужик постарше, уткнув в меня острый как кинжал нос, – Давай, спрашивай. У вас же много вопросов, да? Хотите все знать, да?

Его ухмылка мне не понравилась. Она не была неприятной, но сильно напомнила мне дядю Ваню из Преднепровья.

Мужик был продувной бестией с 3-мя классами образования, но зато житейской хитрости и сметки имел вагоны. На ходу подметки рвал, чем вызывал моё детское негодование самым усердным образом. Жулил меня по страшному, что в карты, что в шахматы, тут же забалтывая, когда я его ловил на горячем. Тридцать пять лет как прошло, я уже ласты склеил и мир сменил, а в памяти от его хитрющей улыбки до сих пор передёргивает.

– Да нет у меня вопросов, просто посижу, покурю, – начал отбрёхиваться я, – Вас послушаю. Авось что путное и узнаю?

– А... – тут же поскучнел мужик, пряча глаза под полу шляпы, – Ну сиди, слушай...

Никогда не был великим знатоком душ разумных, но тут я угадал натуру зеленокожих негодяев от и до – три часа окружающие трепались о чем угодно, но только так, чтобы я ничего не понял. Мелькали имена, даты, вспоминались местные анекдоты и бытовые случаи. Мои надежды, что местные жители приступят к обсуждению новобранцев, таяли на глазах. Гоблины трепались, хаяли запаздывающих поставщиков, сетовали, что порох снова дорожает, а я... просто расслабился.

Вот как-то раз – и отпустило. Умом я сознавал множество

своих бед и необходимостей, от боязни показать глаза, до очень скорых проблем, что вызовет мой суровый недостаток «врожденной худобы». Плевать. Сидеть у костра с треплющимися гоблинами, грызть ребрышко неведомой твари, курить и слушать существ, весьма далеких от ипотеки, политики, глобального потепления, хронических болезней и способов похудеть – расслабляло.

Рассказал пару анекдотов. Они обществу совершенно не зашли, зато пошли вопросы. Я отвечал свободно и легко, не пытаясь что-то выведать в ответ. Просто рассказывал о том, что спрашивали, позволяя знаниям прошлого мира спокойно течь наружу. О самолетах, о подводных лодках, о выдержанном в дубовых бочках виски, о мультфильмах... Вопросов становилось всё больше и больше, зеленокожие горячо обсуждали услышанное, подшучивая друг над другом. А я болтал, прощаясь с прошлым миром.

...с прошлой жизнью.

Завтра начнется новая, а сегодня можно как следует проститься, учитывая, что вокруг есть благодарные уши. Пусть даже зеленые, вытянутые и острые.

В какой-то момент вокруг костра стало тесно. С недоумением поведя головой, я увидел, что народу стало куда боль-

ше – освободившиеся от кулинарных экзерсизов гоблины и гоблинши шли к большому костру, усаживались кучнее, живо включаясь в обсуждения. Меня подперло с двух сторон парой фигуристых тел, пахнущих жареным мясом с примесью трав, а в руке оказалась небольшая кружка, с чем-то похожим на густое горькое пиво.

Было хорошо. Спустя где-то час в племени, носящем ну совершенно неожиданное название Крозендрейк, было принято волевое решение назвать некоторых будущих потомков Сильвестр Сталлоне и Арнольд Шварценеггер. Впрочем, оба знаменитых актёра совершенно вдули Бенедикту Кембербетчу – за такое имя две беременных гоблинши даже начали мутузить друг друга, а по глазкам еще нескольких, я безошибочно определил, что Бенедиктов тут будет много. Надо же, как они любят имена...

Напиться мне не дали. Цепкая зеленая ручка, вцепившаяся в мою, неудержимо влекла меня к казарме кидов, но прямо перед дверью напор гоблинши сник, остановив наш слегка нетрезвый тандем. От стены отделилась здоровенная черная тень, в которой я с содроганием опознал младшего воеводу Хаёркрантца. Глянув на нас, верзила ухмыльнулся, почесал скулу, а затем хрипло сказал:

– Ты наверняка хотел услышать что-то ценное, кид. Могу

подкинуть на бедность. Интересно?

– Конечно, – слегка пьяным голосом пробормотал я, клюнув носом воздух.

– Ты выбран богом. Это что-то да значит.

Глава 4 Финт конём и ход ушами

– Подъём!!

С этим воплем мне на живот с размаху упала зеленая ладошка. Я застонал, выныривая даже не из сна, а из обморока, куда меня отправил в ноль изнуренный организм пару часов назад. Вопль и удар повторились, намекая, что пощады не будет.

– Вставай, Неговнюк! Вставай, бери свои шмотки и уматывай из нашего дома!

– Кхр... – попытка выразить протест была задушена в горле. Нащупав стоявший в укромном уголке с боку от лежанки кувшин, я невероятным усилием влил остатки его содержимого внутрь себя. Теплая и кислая дрянь волной прошла по пищеводу, реанимировав по дороге глотку, что позволило мне томно простонать, – Отстаааань.

– Вставай, Неговнюк! – экзекуция повторилась.

– Ты только что скакала на мне, пуская пену и вопя о том, как сильно меня любишь и как хочешь от меня ребенка...
– выдохнул я, изображая нелепыми движениями раздавленного и перевернутого на спину таракана, – ...а как только выскочила из постели, так снова «Неговнюк»?

– Про любовь и ребенка Сцады любит орать, – решительно отвергли мои инсинуации, – Я такими человеческими криками не балуюсь. А прозвище не меняют!

– Значит, ты пришла после Сцады... – сделал я логичный вывод, банально пытаюсь потянуть время. Мир продолжал кружиться и вертеться. Чертовы гоблинши...

– Нет! – на меня сверху рухнуло голое зеленое тельце, заставив жалобно засипеть, – Я пришла после Захимы, а та пришла после Жуны, а вот Жуна после Сцады...

– Мать вашу... – выдохнулось на автомате из моего заезженного тела, – Вы меня убить пытались?

Ответом мне было ведро ледяной воды, выплеснутое на нас двоих. Гоблинша, чьего имени я пока не мог вспомнить,

пронзительно завизжала. Мне тоже очень хотелось так сделать, но я был занят хватанием воздуха ртом – вода, явно каким-то чудом охлажденная ниже -50 градусов Цельсия попала мне в самое чувствительное место.

– Вставай, кид, – раздался сухой и сварливый голос, – Тебе пора.

– Да, мать Шахтшарх! – тут же вырвалось у меня. Голос подействовал куда серьезнее, чем водичка, поэтому мои сборы сильно стали похожи на паническое бегство. С матерью Хаёркрантца спорить не было ни малейшего желания. К счастью, облитая и отвизжавшаяся подруга моего сурового утра оказала всемерную помощь в деле подготовки к отправке одного слегка затраханного на прощание Должника.

До ворот идти предстояло далеко – гостевой шатёр племени Крозендрейк стоял почти у самого края болот. Нужно было дойти до самого лагеря, пересечь его наискосок, выйти за ворота... При мысли об всех этих расстояниях, к горлу подступил горький комок. Но, «надо – значит, надо» ... Устойчиво давая крен на левую сторону, я обнял за плечи идущую рядом девушку, решившую попробовать насмерть меня заболтать. Шум её голоса мозгом воспринимался слабо, но при этом подавлял и так небогатую его активность. Ну хоть помощницу идентифицировал. Криксланка. Вот жеж старуха,

родную внучку ледяной водой по самому сокровенному не пожалела, ведьма старая...

Состояние нестояния было настолько сурово, что босые ноги не ощущали холод от выпавшего поутру снега. Да и вообще тело не шибко реагировало на внешние раздражители, полностью поглощенное происходящими внутри реакциями, среди которых преобладало желание умереть.

– Будете по мне скучать? – выдавил я, стараясь хоть как-то имитировать сознательную деятельность.

– Ну, по твоей закорючке скучать будем, – энергично мотнула головой ехидно скалящаяся гоблинша, – А всё остальное? Да чего там остального! Как был слабаком, так и остался! Дохлятина! Заморыш!

Сил ущипнуть её за задницу мне хватило. Короткий визг и дополнительные эпитеты, означающие мою злобность и эгоизм, привалили в достатке. На шум потревоженной в заду гоблинши некоторые её соплеменники, сновавшие по своим делам, оборачивали головы, скалились, махали руками. Приходилось совершать подвиги, делая отмашки в обратную. Я волок своё тело, напрягая каждый член, кроме того, что уже настаханился на полгода вперед.

– А сюда зачем? – тупо пробормотал я, подводимый к барраку кидов.

– Вещи свои заберешь, тупица! Переоденешься!

Точно, я по-прежнему в тренировочном рубище. Старая одежда, в которой я сюда прибыл, ощущалась совсем чуждой. Сковывающей, стесняющей, душной. Но там зима, в зиму надо ходить одетым. Черт побери, чем меня вчера поили? В руки мне сунулся поданный зеленой доставучей и вертлявой негодницей чемодан, от чего я дал крен вперед, глухо застонав, зато уткнувшись носом в высокую упругую грудь. Меня сочувственно погладили по голове, но тут же дали в ухо кулачком. Боль помогла прийти в себя.

– Слушай... – Криксланка замялась, чего за ней точно никогда не было замечено. Сделав паузу, гоблинша выдавила, – А можно... увидеть твои глаза?

– Нет. Опасно. Для вас.

Уж что-что, а свои глаза я прячу, чем и планирую заниматься в будущем. Этому есть несколько вполне серьезных причин – от нежелания демонстрировать выдающуюся примету в виде разукрашенной радужки всем подряд, до банального нежелания воздействовать на умы своим показателем

харизмы. Хаёркрантц уже проезжался пару раз по «случайно выжившим» харизматам, упоминая, что разумные несколько неодобрительно относятся к тем, кто пытается ездить им по мозгам. Да и мать Шахтшарх одобрила мою маскировку, а это что-то да значит.

– Давая тебе прозвище, мы поспешили с Неговнюком, – притворно надулась девчонка, – «Не» явно лишняя!

– Не оби... – я был дёрнут за ворот рубашки вниз и смачно поцелован. Освободившись, руки гоблинши передвинули меня так, чтобы её губы оказались возле моего уха, – Будем скучать.

– Я тоже. Но не по всему..., – пробурчал я, нежно удушaемый за воротник. Никогда еще перспектива потери сознания не влекла меня к себе с такой силой.

К воротам лагеря я полз с видом умирающей мухи. В голове стоял мутный туман, приступы обессиливающей слабости накатывались один за другим. Крисланка шла позади, громко ругаясь и мощно пихая меня в спину, тем самым спонсируя каждый новый шаг. Стоящие за воротами разумные безо всякого восторга наблюдали за этим зрелищем. Один из них, широкий, кряжистый, длиннорукий и зеленокожий, даже сплюнул за землю, презрительно кривя прекрасно под-

ходящее для подобных гримас лицо.

Хаёркрантц, эльфийка Лейтен и гном Маверик. Лишь три из девяти кидов закончили обучение.

Двое утонули в болоте почти в самом начале. Тонул один, а второй решил его вытащить, забыв или не подумав о том, что надетая «упряжь» выбирает все лишние силы без остатка. Свидетели рассказывали, что у первого шансы были, пока он не получил по башке туловищем потерявшего равновесие второго. На следующий день тройка из человека, скального орка и гнома решила, что с них хватит. Еще один человек послужил всем оставшимся крайне убедительным примером того, что не стоит нападать на кидающего в тебя камешки гоблина, кричащего оскорбления, если тот делает свою работу, а не развлекается искусства ради. Извивающееся и орущее тело, расчесанное своим хозяином до самых натуральных ран, гоблорк куда-то унес. Мы не задавали вопросов, но получили фобию обнаружить в постели гоблинский зудящий порошок.

– Наконец-то! Сколько можно тебя ждать, уродец! – с ходу наехала на меня Лейтен.

– Могли бы и не ждать, – флегматично пробубнил я, хватаясь за плечи Крисланки и мучительно соображая, что я хо-

чу больше – опереться на нее или чмокнуть в щеку. Выбрал оба варианта, от чего гоблинша хихикнула, втыкая кулачок мне в бок.

– Так, катись отсюда, вертихвостка! – рыкнул на неё гоблорк, а затем вызверился уже на нас, – Кончай трепаться, становись в шеренгу! До дилижанса пять часов с четвертью, недоделки!

– Мы опаздываем! – тут же белугой взвыла эльфийка под согласное паническое бубнение гнома.

– Ничего, пробежитесь, – ухмыльнулся воевода, шмыгая носом, – Я вам кое-что обещал.

– А может, не надо?!

– Заткнуться! Молчать! Слушать!

Моя помощница понеслась назад в лагерь, оставляя изнеможенного киды наедине с холодом, неприязнью окружающих и раздраженным гоблорком, явно считавшим секунды до того счастливого момента, когда нам можно будет дать пинка. Присев рядом с Мавериком на чемодан, я со скрипом поднял голову и веки, дабы в последний раз насладиться светлым ликом воеводы. Знание о том, что я переспал

со всеми его племянницами, двумя из четырех сестер и... нет, про тот случай лучше не вспоминать, душу мне не грело. Гоблины легкомысленно относились к половым связям. К большинству из них. Мама были исключением.

– Итак, слушайте сюда, доходяги. Я буду краток, как ваша жизнь после того, как вы отсюда свалите, – клубы зеленого дыма, окутавшего Хаёркрантца, на пару секунд скрыли его лицо, из-за чего я тут же потерял концентрацию, предприняв попытку облокотиться головой об Маверика. Гном сдавленно заворчал, но его перебил голос гоблорка, продолжившего свою речь, – Есть ничтожный шанс, что кто-то из вас сможет дотянуть до показателя Прогресса в 80 процентов, балбесы. Так вот, если вдруг такое чудо случится, если вдруг, вопреки воле всех благих богов, такие полудурки как вы смогут измениться и преуспеть... вот вам мой совет. Бегите. Скрывайтесь. Пробирайтесь в самые дерьмовые, самые опасные уголки нашего мира. Рискуйте своей шкурой там, куда не суются даже самые отчаянные головорезы. Там, в тех адских жопках мира, закройте свой Долг, чтобы потом тихо и мирно осесть в какой-нибудь рыбацкой деревушке, болотном стойбище или еще какой дыре. Только так у вас есть шанс не привлечь внимание дерьма, которым богата наша Кендра. Я не говорю о ихорниках, монстрах, драконах и прочей честной тварятине, которая вас хочет сожрать и высрать. Я говорю о Великих Кланах, о императорских Домах, о Морской Ганзе,

о тысяче и еще одном герцоге, князе и графе наших королевств, способном выкинуть пару тонн золота ради вливания крови киды в жилы своего рода. Вас раздерут, растащат, будут держать в клетках и доить весь остаток жизни. Понятно вам, дурачье?

– Не... – выдавил гном, забывший даже обо мне.

– А я говорю – понятно! – взревел Хаёркрантц, злобно оскалась, – А теперь пошли нахрен с глаз моих долой, убогие!

В старом дребезжащем вагончике фуникулера я залип лбом в стену, захрапев самым натуральным образом. Эльфийке и гному пришлось выталкивать меня оттуда пинками. Причина такой заботы и доброты выяснилась буквально сразу, как я продрал глаза.

– Поднимай задницу и готовься бежать, придурок, – отрывисто бросила Лайтен, – До прихода дилижанса мало времени!

– К черту дилижанс, – томно ответил ей я, даже и не думая подниматься. Скала под моим телом была такая мягкая, такая зовущая...

– Ты с ума сошёл? Следующий лишь через неделю! – гаркнул Маверик, пиная меня под ребра, – Подъём!

– Идите нафиг, я спать хочу, – пробубнил я, переворачиваясь на бок, – Оставьте меня.

Несколько секунд тишины были самым настоящим подарком, но вновь вырубиться мне не дали – в лоб больно уткнулось что-то холодное. Открыв глаза, я увидел, как эльфийка тычет в меня дулом пистолета.

– Где твой ствол, паршивец? – стервозным тоном спросила она, – Ну, быстро! Где ствол и деньги!

– Пистолет в чемодане, в боковом отсеке, – недоуменно прохрипел я, – А деньги какие?

– Любые! У тебя хоть что-то должно быть!

– Внутренний карман пиджака.

– Эй, Лайтен, ты с ума сошла? – пораженно прошипел Маверик, для которого действия пестроволосой оказались полным сюрпризом.

– Заткнись, Мав, – скривилась эльфийка, – Заткнись, до-

стань деньги, ствол, обоймы к нему. Этот коротышка нас кинул в самом начале. Кинул всех. Ушел сразу, вообще не парясь. Крутил свои дела. Трахал зеленых шлюх.

– И что? Тебе-то он что сделал? – резонно заметил гном, чем заставил эльфийку грязно выругаться.

– Да шевели руками, дурак! Иначе мы тут неделю куковать будем! – гневно заорала эльфийка, – Ничего он мне не сделал! Слышишь? Ничего! Поэтому мы просто заберем у него пушку и деньги!

– Ну ты и... – побагровел гном.

– Да пошевеливайся уже, кретин! – не выдержав, недовольно заорал я, – Берите оружие, берите деньги, только дайте поспать, уроды!

«Уроды» вняли. Удивленно ругнувшись при виде горстки мелочи, эльфийка довольно заурчала, рассматривая выданный мне кригстанцами пистолет. Десятизарядный, десятимиллиметровый полуавтоматический «Сурт» был очень неплохим оружием. Настолько, что даже из полуобморочного состояния меня слегка придушила жаба. Не поддавшись ей, я продолжил валяться на снегу, всем своим видом демонстрируя, что собираюсь отрубиться.

– Прощай, Магнус. Не держи зла, ты сам бы также сделал на нашем месте, – выдала эльфийка, ловя полный совершенно космического охренения взгляд своего невольного напарника. На большее он уже не был способен, так как легконогая рванула с места к стоянке дилижанса. Пыхтя и проклиная все, Маверик ринулся за женщиной.

Хорошо иметь идеальное зрение, способное работать биноклем. Убедившись, что оба кида отошли на внушительную дистанцию, я встал, преодолевая и матерясь. На снег полетели очки – битые, царапанные, прошедшие семьдесят семь кругов ада, устроенного Хаёркрантцем сотоварищи. Вторая пара, терпеливо дожидавшаяся меня в чемодане все полгода, заняла своё место на лице. Выдохнув облачко пара, я пошарил в одном из кармашков чемодана, выудив оттуда значенную полураздавленную сигарету. Перекур.

Мне предстоял самый настоящий подвиг – маршбросок на полкилометра в ближайший жидкий лесок, по бурелому, распугивая птичек и прочую лесную живность. Гоблинши слишком надежно меня укатали на своих горках и впадинах. Дыша как умирающий лебедь, я поволок свой чемодан в снежный лес. Влачась по буеракам и колдобинам, я ощущал себя Сизифом, которому подкинули сверхурочных, аватарой усталости и реаниматологом, взявшим четвертую смену под-

ряд без амфетамина. Одновременно.

Сил хватило впритык. Дотащившись до небольшого деревца с содраным пластом коры, трепетавшем на легком ветру, я упал как подрубленный, начав храпеть еще в полёте. Через некоторое время мне по ребрам прилетела пара ласковых пинков от существа, настойчиво требовавшего внимания. Пришлось уделить.

– А, это ты, Божественная Шляпа, – каркнул я спросонья, пытаюсь принять сидячее положение, – До сих пор используешь эту унылую Подставку?

– Лишь твое искреннее почтение к моему головному убору спасает тебя от кастрации, кид, – присевший рядом со мной на корточки гоблин явил миру белоснежный оскал зубов. Перья на его шляпе покачивались от порывов вечернего ветерка, – На сколько тебя сделали эти гаврики?

– «Сурт» с парой дополнительных обойм, 20 кригстанских крон, шестнадцать кроули, – доложил я, принимая из рук Хагрхиггса бурдюк с гоблинским тонизирующим настоем. Пара глотков и мир наливается контрастом и резкостью.

– Ерунда, – пренебрежительный мах зеленой лапой, – Пушка хорошая, но патронов к ней не найдешь. У криг-

станцев всё своё, особенное, чем и гордятся. Деньги вообще смешные, за день попрошайничества в Хюгге сможешь зашибить в три раза больше.

– Порадовал, – с сарказмом выдал я, – До него еще дойти надо.

– Твой план, – клыкасто ухмыльнулся гоблин, – Твои проблемы. Я здесь лишь шмотки закинуть. Принимай давай.

Гуманитарной помощи от зеленого народа было не так чтобы много. Штаны и куртка грубой кожи, небольшой рюкзак, да новая рубашка из серии тренировочных рубищ. Куда выше качеством достались неубиваемые сапоги-говнодавы, две «порции» мягких портянок да шляпа, весьма напоминающая треуголку. Всё это я и напялил на себя, взамен передав Хаггрхигсу свой чемодан. Сразу стало куда удобнее и свободнее.

– Спасибо, – улыбнулся я гоблину.

– Пара кусков кожи да прогулка – невеликая цена за жизнь, кид, – ощерился гоблин, выуживая из-за спины какую-то хреновину, а затем всучивая её мне, – А вот это от матери Шахтшарх.

«Это» оказалось старрхом, боевым ножом орков большинства племен Лазантры. Здоровенный увесистый клинок с обухом как у топора, зубчатым кровоспуском и хищно загнутой верхней половиной лезвия едва не утянул мою руку вниз. Увенчанный шипами кастет, прикрепленный к роговой рукояти, был покрыт подозрительными темными пятнами и выглядел угрожающе.

– Слышишь, Подставка, я какое плохое зло матери-то сделал? – растерянно спросил я, разглядывая зажатую в руке здоровенную дуру, которая весьма успешно претендовала на роль меча, – Мне с этим на дракона идти? Или на Хаёркрантца?

– Сразу видно, что ты харизмат, а не умник, – коварно похвалил меня гоблин, тут же обломав, – Ты к нему *приглядишь*, олух.

– Спасибо матушке, – охнул я, выполнив совет когда-то спасенного с помощью моих зорких глаз гоблина, – Большое спасибо!

– Вот то-то же, – гыкнул Хагррхиггс, щелкая ногтем по гулко зазвеневшему старрху, – Ладно, бывай кид. Тебе пора, путь неблизкий. И... что бы ни случилось, в лагерь не суйся с этим ножом. Он принадлежал бате Хаёркрантца.

Мой тихий изумленный мат выслушивала уже удаляющаяся спина гоблина. Полюбовавшись на это успокаивающее нервы зрелище, я вновь раскинулся на снегу, заснув с чистой совестью. Всласть отоспавшись впервые за полгода, накинул на спину подаренный рюкзак, приладив под него ножны со старрхом, да поковылял себе потихонечку в Хюгге. Идти предстояло около недели сквозь редкий болотистый лес, но я никуда не торопился. Долги розданы, дорога выбрана, впереди новая жизнь, в которую я вступаю, куда более осведомленный в окружающем мире и уверенный в своих силах.

В Крозендрейке из нас делали не охотников на монстров, даже боевая подготовка и та заключалась в поверхностном ознакомлении с огнестрельным оружием. Самооборона и холодное оружие? Тоже по самым вершкам. В течение полугодия гоблинский лагерь выдавливал из нас изнеженность городского жителя, привыкшего к кондиционерам, сетевым магазинам и туалетной бумаге. Нас учили быть бродягами, выживальщиками, неприхотливыми боевыми бомжами Бога-из-Машины. Гоблины в этом отношении были непревзойденными специалистами.

Неудобная «упряжь», что заставляет прилагать усилия на каждое движение. Марши по болотам, плавание на выносливость, марафоны и ползание в грязи. Единственное, в чем

было сделано исключение – нас не тренировали голодать. Гоблорк, расхаживающий над нашими безвольно валяющимися телами, повторял раз за разом, что это умение, это *искусство*, мы должны освоить сами в самое ближайшее время. Причина у столь солидного пробела в образовании была веской – совершенствование Триад требовало очень много строительного материала. Под этими самыми «триадами» Хаёркрантц имел в виду только относящиеся к «воину» и «плуту».

«Всех кидов можно разделить на две категории», – говорил он, – «Ловкачи и будущие трупы. Мышцы не заставят тебя резче шевелить стволом, не остановят когти ихорника. Помогут пробить панцирь какой-нибудь крепкой твари, но походи её еще такую найди. Мозги? Мозги – это хорошо, но без скорости реакции вы не сможете среагировать на тварь. Обаяние? Мертворожденные, однозначно. Вывод из моих слов ясен? Если вы не «ловкач» – валите топиться. Только дайте снять с себя «упряжь»».

Топиться мы не хотели. Даже я со своим штрафом «врожденной худобы» лишь скрипел зубами, слушая, как зеленый шкаф возводит критику меня как киды и разумного в сферу высокого искусства. Не зря, мне действительно не повезло. Хотя, наверное, было бы правильнее сказать, что Деус, выдав мне идеальное и настраиваемое зрение, сильно порезал во

всем остальном. Ну, как минимум, на старте новой жизни.

Характеристика:

Имя – Магнус Криггс

Раса – гном

Прогресс – 0 %

Класс – Бродяга

Уровень – 3

Триады:

Триада Воина – 6

Триада Плути – 10

Триада Мага – 5

Триада Воздья – 14

Очки развития: 0

Таланты: Ясный взор

Особенности:

Способности:

Недостатки: Врожденная Худоба

Мой прогресс был откровенно жалок по сравнению с другими Должниками. Триада Воина, та, на которую делали

упор в лагере, показала жалкие крохи роста, несмотря на обильную кормежку и добросовестно выполняемые упражнения. Копейка «Мага», полученная в ходе лекций нашего добросовестного гоблорка, пока его соплеменники швырялись в нас камешками для развития Триады «Плута», тоже не стоила доброго слова. Если бы не мой изначально легкий вес, то я бы в жизни не решился на авантюру, из-за которой сейчас топал по болоту.

За развитие моих отношений с племенем Крозендрейка никак нельзя было поблагодарить мою большую «харизму», ту сильно резали мои очки на пол-лица. Сработали два совершенно неожиданных показателя – моё неподдельное дружелюбие к зеленокожим, что вылилось в тесную дружбу телами с целой кучей представительниц прекрасного пола (как и факт, что к этой дружбе я был замечательно подготовлен физиологически), так и азарт зеленокожих мужиков, поставивших себе целью вывести меня на «чистую воду». Со мной охотно общались, за спиной заключая ставки, когда же я не выдержу и начну приставать с вопросами. А потом наступил день, когда всё племя вышло на поиски пропавшего Хаггрхиггса. Заодно вышел и я, разбуженный сборами той, с кем делил постель этой ночью. **«Ясный взор»** позволил мне заметить скрючившуюся на дереве фигурку, прижимающую руку к правому боку. К носителю самой роскошной шляпы Крозендрейка тогда имела гастрономические интересы

крупная болотная рысь. Мы успели вовремя, умудрившись в процессе спасения гоблина еще и угробить саму взбудораженную кровью хищницу.

Мелочь, определившая хорошее отношение, а также послужившая причиной, почему я сейчас не еду в удобнейшем дилижансе навстречу ловушке, а ползу болотистым лесом к приморскому Хюгге.

Кид – это не просто пришелец из другого мира в теле, созданном богом. Мы, в каком-то извращенном смысле, действительно являемся детьми Деус Екс Машины, но местной, с её местной... спецификой. Проще говоря, в присутствии киды механизмы начинают меньше ломаться, износ практически не капает, а сборка устройств и выточка деталей в присутствии Должника проходят с куда меньшим количеством брака. Бесценно для фабрикантов, но – лишь в первые полгода, оставшиеся киду до того момента, когда Бог-Машина не пнёт его, подгоняя на подвиги.

Дилижанс привезет Лайтен и Маверика в городок под красивым названием Эйлеэм, в котором градообразующим предприятием является «Эйлеэмский завод точных механизмов», широко известный на весь материк. Кидам на заводе предложат контракт на 2 месяца, крайне выгодный в плане денег. Лайтен и Маверик обязательно согласятся, ведь

речь идёт о зарплате, аналогичном 400-ам кригстанским кронам в сутки. Договора будут заключены честь по чести, но только вот потом эльфийку и гнома будут ждать кандалы на рабочем месте, позволяющие лишь упасть на койку, да сходить на горшок. Ровно на два месяца. А потом им предложат возможность выкупить ключ от этих кандалов за жалкую сумму в 48 000 марок, что позволит счастливым кидам выйти из сделки с нулевым балансом, потеряв 4 месяца жизни и свободы. Завод большой, прибыли огромные, поэтому молодые Должники нужны всегда и позарез.

Предупреди я Лайтен и Маверика – за нами бы устроили самую настоящую охоту. Даже меня будут искать, но теперь не так уж и серьезно. Простой план со спектаклем в виде затраханного обессилевшего человека, не способного успеть на дилижанс, оправдался успехом, хоть и стоил мне пистолета и денег. Правда, по словам того же самого Хагрхиггса – никто не мог упомянуть времена, когда одни выпускники не ограбили бы других по дороге на этот самый дилижанс. Азартные гоблины даже ставки уже не делали.

Деньги на билет до тюрьмы, да пистолет – слабая цена за пять месяцев свободы. Жаль лишь, что впереди дорога одиночки.

Как-то вечером Хаёркрантц рассказал нам историю о том,

что привело Должников к образу охотников-одиночек. Всё было просто и со вкусом – почти все разновидности ихорников существами были одиночными. Они охотились, убивали, жрали и развивались, стараясь держать дистанцию от собратьев. В начале этого «заражения» расклады были другие, полчищ вечно-голодных тварей хватало на всех с таким избытком, что несмотря на всю поддержку масс, киды вымирали целыми отрядами. Постепенно ситуация менялась, монстры уходили в подполье, учились прятаться, разбредались по белому свету, а значит, и охотники на них были вынуждены стать одиночками. Должник, убивший добычу, получал очередную отсрочку у Деуса и плюс в прогресс, а его напарник?

...ничего.

Уже более сорока лет все киды ходят по одному. Охотятся, выживают, рискуют, оглядываясь за спину. Их... наш талант – всего лишь в том, чтобы видеть ихор, бегущий по жилам очередной хищной твари. Видеть сквозь стены, сквозь темноту, даже сквозь толщу земли. Выследил, убил, идёшь дальше, чтобы вновь выслеживать, убивать и... оглядываться за спину.

Ну... что я могу сказать? Попробую жить так. Ведь, если не попробуешь, так и не узнаешь?

Глава 5 Дама в беде

Ноги бодро топали по болотистому лесу. В отличие от хрестоматийных топей, где омуты на каждом углу, я шёл по чахлому, больному и слегка запаршивленному лесочку, в котором далеко не вдруг можно было встретить застойную лужу. По причине своей болотной природы, местное животное царство не могло похвастаться крупными и хищными зверьми, что мой план похода в Хюгге учитывал самым внимательным образом. Максимум тут можно было наткнуться на болотную рысь, навроде той, что чуть не сожрала моего шляпоносного приятеля, но гоблин был всё-таки меньше меня, а еще он неблагоразумно кровоточил, чем и привлек пушистую заразу.

Планы... С планами всё было туго. В идеале, мне нужно было найти хорошее вложение собственного свободного времени на оставшиеся пять с половиной месяцев. Деньги, навыки, связи... ихорники. Молодому киду требовалось всё и сразу, только вот шансов получить что-нибудь не было даже призрачных. Мои профессии из прошлой жизни в этом мире, застрявшем между индустриальной революцией и магическим дикарством, просто-напросто не котировались никак. Неудивительно, что киды довольно быстро опускаются до низменных поступков вроде грабежа с воровством. Тем

более, что я всерьез планировал жить более-менее честно – не грабить, не работать наёмным убийцей и уж Деус упаси от шулерских дел или там контрабанды наркотиков.

Проблемой было то, что мне нужно было ровно то, что и каждому Должнику на Кендре, а значит конкуренция принимала просто чудовищные масштабы. Правда, выход был – в мире еще оставались уголки, где киды были очень нужны. Одним из таких уголков была Эластра, заново открытый около тридцати лет назад континент.

В первый раз корабли колонизаторов пошли к Эластре за 22 года до Полёта Драконов. Когда мир трясло от новых свершений, никого не волновали оставленные где-то там на краю землю маленькие колонии, но потом о них вспомнили, отправили новые корабли... и завертелось.

Континент был кипящим котлом, Северной Америкой этого мира, умноженной на местную специфику и бардак. «Старые» и «новые» колонисты, аборигены, представленные целыми империями эльфов-дикарей – всё это клубилось, бурлило, било по мозгам окружающим, было очень густо присыпано специями в виде переселившихся туда изгоев, извращенцев, преступников и беглых нобилей, но... страдало от ихорников. Континент утопал в конфликтах, считался зоной повышенного риска, зато был едва ли не единственным

местом, где Должник будет не рыскающим по округе бродягой, а уважаемым членом общества. Если верить слухам и воеводе.

«Есть яйца и честь – плыви на Эласту» – советовал нам незабвенный Хаёркрантц.

Так почему бы и да? У меня есть то, чего нет у большинства кидов – время на пересечение океана. Наш гоблорк-инструктор объяснял, что есть у высокоуровневых Должников есть определенные предпочтения в глазах Бога-Машины – он даёт им время на долгие путешествия без убийств существ, содержащих ихор, но потом настаивает на возврате «кредита». У новичков такой роскоши нет, их подгоняют болью, тошнотой, всевозможными неприятными ощущениями... а если уж вообще не понимают намеков, то в ход идут штрафы вроде моей «врожденной худобы».

Итак, встраиваться в местную экосистему или же тащить-ся на другой континент? Я бы предпочел первое, если бы риск не присутствовал в обоих вариантах. Эх, мне бы интеллекта побольше... эта характеристика не расширяет насильственно горизонты, но зато действует как вечная и безвредная чашка кофе – тонус мыслей, глубина, резкость и скорость мышления, всё поднимается на новую ступень. Впрочем, остальные характеристики имеют свои специфики – они

не сделают киды суперменом, способным гнуть рельсы мизинцем, даже на самом высоком уровне развития, но вот в более точные детали гоблорк с окраины мира посвятить нас не смог. Обучавший его на инструктора Должник был невысокого ранга.

Стрекочущий гул привлек моё внимание, но увидеть, что его издавало, я сразу не смог, лишь обнаружив после верчения головой толстый и кривой столб дыма, поднимающийся из-за деревьев ближе к тому месту, где чахлый лес всё-таки поднатуживался для перехода в болото. Ноги сами повернули тело строго на внезапный феномен и заработали, совсем не интересуясь тем, нет ли у головы иных, более конструктивных предложений.

Эх, боженька... и ежу с ужом понятно, что ты с нашими кидовскими мозгами что-то своё проворачиваешь, но зачем же тебе для этого тогда обычные цивилы? Тягал бы сюда души военных и прочих авантюристов, которых в нашем мире выше крыши, зачем тебе мозги бывшему бухгалтеру на авантюризм перепрошивать?

...признаваться себе, что это моя собственная жажда приключений, я не собирался совершенно.

Рвануло, когда я уже был близко. Ну как рвануло? Не рва-

нуло, а так, будто пукнуло, но очень громко и с дребезгом. Над моей головой по пологой дуге пронеслись несколько бесформенных железак небольшого размера. Здраво рассудив, что взорвалось то, что упало, а раз оно взорвалось, то больше там взрываться нечему, я продолжил путь, теща собственное любопытство. Мои усилия оказались вознаграждены – неподалеку от повисшего на согнувшихся ветвях чадающего корпуса небольшого самолета с обломанными крыльями, я увидел ожесточенно лежащие воздух ноги в штанах.

Конечности, выполняющие нелепый танец, отличались изрядной худобой несмотря на то, что фасон такого предмета одежды как штаны, славился свободой исполнения. Носительнице или носителю в данный момент это совершенно не помогало – извадюканные в грязи и масле воздушные штаны-трусы плотно облепили тонкие как спички, и длинные как память налоговиков, ноги. Ниже потерявшего невинность предмета одежды начинались сапожки с высоким каблуком. В данный момент они слегка подёргивались, пиная воздух. Выше же худосочной задницы, обтянутой теми же штанами, не было ничего, кроме шикарной длинной юбки, зацепившейся за несколько сучьев так, что её носитель (или носительница) оказались в своеобразном «стакане». Всё это богатство болталось в паре метров над землей, что-то неразборчиво бурча в юбочный конус.

Так, ладно, тут я уже вижу все перспективы, а значит пора проверить аэроплан. Может, там есть что-нибудь хорошее...

Рвануло. Взрыв был куда мощнее первоначального хлопка, что заставило меня испуганно пригнуться к земле. Легкую машину, весьма похожую на творчество изобретателей ранних 1900-ых, размело по всей окружающей среде, чудом не зацепив меня и юбочного пленника. Часть двигателя машины, выдержавшая взрыв, соскользнула на землю, печально чадя вонючим дымом. Вряд ли там осталось что-то полезное...

Не повезло. Я досадливо ругнулся и хрустнул шейей. Ну, что ж тут поделаешь, ладно. Моя работа здесь подошла к концу, нужно идти дальше. На другой континент стоя не попадешь!

– Здесь кто-то есть?! – робко и с надеждой отозвался голос из задранной к небесам юбки. Женский.

Я испуганно втянул голову в плечи, но честно ответил на довольно распространённом по Лазантре торговом языке-дросике:

– Нету.

Мне почему-то не поверили. Вслух. На том же дросике, перемежая каждое слово и предлог матюгами и энергичным дрыганьем ног. Послушав, я вновь поддался то ли открывшемуся из-за переноса, то ли навеянному Богом-Машиной авантюризму, решив продолжить диалог фразой, показавшейся мне чрезвычайно уместной:

– Что такая девушка как вы делает на таком дереве как это?

Несколько секунд ошарашенного молчания сменились остервенелым ляганием воздуха и воплем:

– Да помогите же мне!!

– Нет, спасибо, – открестился от такого поворота дел я, начиная потихоньку отступать.

– ...что?! – вырвалось из кокона. Юбка, точнее платье, было сшито из очень крепкой ткани, а её носительница худа почти до анорексичных мощей и надежно обездвижена. Конечно, рано или поздно эта девушка выкрутится из своего щекотливого положения...

– Видите ли, меня мама учила не связываться с худыми людьми, – честно признался я, – Подобные персоны неспо-

койны, склонны к авантюрам, в которые также ввергают окружающих. Они буквально источник проблем.

– Я Эскильда Картенбрауэр, благородная леди клана Картенбрауэр с Касдамских островов! – грозно заявило задранное к небу платье, даже остановив движение ног, – Извольте мне немедленно помочь, невежа!

– А я Уоррен Уленшпигель из деревни Хайнклюгге, уходящий отсюда, пока вы не видите куда.

Леди Эскильда-как-её-там оказалась как раз тем самым существом, связываться с которым мне отчаянно не хотелось. Худым, быстрым и сообразительным. Сам по себе я, будучи в первой жизни массивным, добродушным и неторопливым, довольно часто оказывался подобными женщинами если не отэксплуатирован, то как минимум надпользован, посему спасать ту, которая вне всяких сомнений прилипнет ко мне как банный лист к заднице, я не горел ни малейшим желанием. Но оставить беспомощную женщину, которая так страстно и громко кричит о том, что у нее есть деньги...

– Вы невыносимы! – объявила мне задранная юбка после того, как я уже залез на одно из деревьев, к сучкам которого она так накрепко прилипла. Подумав, девушка добавила, – Зато продажны. Это радует.

– Боюсь вас огорчить, леди Картенбрауэр, но я пока морально не готов оказать вам помощь, – объявил я второй раунд переговоров, как только устроился на дереве поудобнее, – Для начала мы с вами заключим простенькое соглашение.

– Мерзавец! Гад! Подонок!

– Вы же еще даже не выслушали!

– Вы низкий человек, Уоррен Уленшпигель!

– Что есть, то есть, – вынужден был признать я, собирающийся и дальше выдавать себя за низкого человека, а не высокого и чрезвычайно красивого гнома, ну очень похожего на киды.

– Говорите! Унижение лучше неведения, но оба они сто-кратно хуже вас!

– Я вам помогаю, а потом мы расходимся каждый своей дорогой. В *разные* стороны, – сделал я очень рациональное и приятное предложение, добавив от себя щедрый и совершенно бесплатный бонус, – Даже подскажу куда вам двигаться для того, чтобы вновь оказаться среди людей самым быст-

рейшим образом.

И... я снова её сломал. На этот раз потрясенное молчание длилось едва ли не две минуты, что было довольно немало для девушки, чей худой зад открыт природному сквозняку.

– Я согласна!

Освобожденная из одежного плена девушка оказалась существом на вид еще более тревожным, чем я себе воображал. Худая как палка и высокая как жердь, она была похожа на человекообразного паука, решившего жить как панк. Прическа, похожая на сердитого ежа, острые черты лица, среди которых особенно выдавался тонкий узкий нос, огромные карие глаза почти черного оттенка... и резкая манера движений, выдающая мелкого хищника. Воплощенная в худосочном теле неприятность.

Как только эта бедовая каланча оказалась на земле, она тут же метнулась к незамеченному мной баулу, лежавшему, как оказалось, буквально у нас под ногами. Оставалось лишь досадливо клацнуть зубами, но без особого негатива – грабить это ходячее несчастье после спасения было как-то совсем не с руки. Вновь твердо решив, что здесь моя работа выполнена, я громко объявил худышке направление на Эйлем, куда направились мои не слишком чистые на руку одно-

кашники, а затем всюду пропустил по своим делам. То есть подальше от этой достойной Эскильды Картенбауэр, благородной леди с каких-то там островов.

Разумеется, она меня обманула. Спустя полчаса, когда я уже расслабился, начиная забывать о коротком забавном приключении, последствия моего доброго поступка вынырнули у меня из-за спины, чтобы довести меня до инфаркта, пожаловавшись мерзким высоким голосом:

– Я передумала, сударь Уленшпигель!

В бауле у этой... каланчи оказались шмотки. Переодевшись в бархатный брючный костюм вполне приличного вида, она тут же рванула за мной, практически сразу настигнув, но не приближаясь. Схорониться за деревьями этому гибриду палочника и человека не составляло ни малейшего труда, так что, дождавшись, пока я успокоюсь и пойду ровнее, она тупо выпрыгнула из засады и оповестила, что к счастью (чьему?!) идет в одном со мной направлении. Обо всех этих приключениях она поставила меня в известность еще до того момента, как моё сердце перестало танцевать тантареллу от испуга.

Мысль о убийстве этой стервозины я смаковал как изысканнейшее вино...

Но... тщетно. И каким-то образом эта жердь мою мягкость просекла сразу, продолжив болтать с пулеметной скоростью. Может, ей за такое теловычитание отсыпали женского инстинкта на взвод маркитанток?

Видимо из-за этого, а может, даже в аванс за будущую потерю нервных клеток, Бог-из-Машины решил порадовать меня неожиданным сообщением:

– Вы долгое время путешествуете в местах, далеких от цивилизации. Приобретена особенность «Эксперт пересеченной местности»

Маленький бонус тяжелого житья Должников – чем дольше мы занимаемся чем-либо, тем выше шанс приобрести особенность, значительно облегчающую это самое «что-либо». Для киды, по уверениям Хаёркрантца, да будет вечно здорова его мама, нет ничего более желанного, чем приобретение особенностей, облегчающих его жизнь путника и бродяги. Сейчас я уже понимал, что переданный нам гоблорком опыт – это опыт посредственности, что там, на верху пищевых цепочек, где сидят самые могучие Должники, ценности совершенно другие, нежели умение ходить по болотам и оврагам, тратя на 20 процентов меньше сил, но я даже не посредственность, а лишь зародыш киды, у которого не так

много шансов выжить. Всё, что прибавляет хоть микрон к этим шансам, я готов встретить с распростертыми объятиями. А ведь есть еще «мастер», мало того, что улучшающий 20 процентов «эксперта» до 30, так еще и заставляющий мой запах исчезать в десять раз быстрее, есть «маэстро», дающий уже прибавку в 50 процентов и наводку на источники воды. Гоблорк тогда неуверенно сообщил, что возможны ступени и более высокого посвящения, но о них он не в курсе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.